

Андрей Гросс

Рабьяня
для
Зеков

Андрей Гросс

Рабыня для зеков

<https://litres.ru/74227289>

Аннотация

ВСЁ! Роман выложен полностью! ОЧЕНЬ ОТКРОВЕННО! ♥# И РОМАНТИЧНО! ♥#СТРОГО 18+ Когда я решила продать себя на аукционне, чтобы спасти жизнь своей сестры, я не могла предположить, что трое жестоких заключённых смогут завладеть моим сердцем. Теперь я оказалась в тюрьме строгого режима, где в течение следующего месяца мне предстоит служить трём опасным заключённым. Вот еще мой новый роман про запретную криминальную любовь

Они берут от меня то, что хотят, жаждут свободы, человеческого общения и простого напоминания о том, кем они были за высокими стенами. Но тюремные стены — не единственные преграды между нами. В этом мире самое опасное, что вы можете потерять, — это своё сердце.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	42
Глава 4	62
Глава 5	80
Глава 6	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Глава 1

— Мне срочно нужны деньги, — сказала я, сжимая вспотевшую бутылку пива. Холодный напиток приятно освежал кожу.

Моя подруга Эвелин нахмурилась, глядя на меня через маленький столик в пабе. Мрачная атмосфера, запах старых ковров и протухшего алкоголя создавали ощущение безысходности. Вокруг нас сидели мужчины с недобрыми глазами, которые, казалось, ждали чего-то.

— Что произошло? — спросила она.

— Моя сестра связалась с опасным человеком, — начала я. — Ей нужны деньги, чтобы уехать из штата вместе со своими детьми и скрыться от него.

— И в чём твоя-то проблема? — Эвелин сделала глоток джина с тоником. Она всегда жуёт жвачку, даже когда целуется.

Эвелин старше меня на пятнадцать лет, но ведёт себя как подросток. Её брат — член преступной банды байкеров, а все трое её бывших мужей сейчас сидят в тюрьме. Если кто и может помочь, то это она. Уж она-то жизнь повидала, не дай бог кому.

— Если бы дело было только в сестре, — сказала я, — я бы предложила ей пожить у меня на съёмной квартире и всё. Но у неё двое детей...

Моей племяннице вообще только одиннадцать месяцев, а племяннику всего три года. Они не виноваты в том, что их мать связалась с преступником и кретином. Я не хочу, чтобы они прошли через то же, что мне пришлось пережить в детстве.

— Ты слишком мягкосердечна, и принимаешь все близко к сердцу — заметила Эвелин, закусывая уголок губ. — Можно обратиться к ростовщику и взять деньги в долг. Попросить у Джоша его номер?

— Ты сама знаешь, какие они дерут проценты! Если я свяжусь с ростовщиками, то в дерьме окажусь еще и я, а не только моя сестра, — ответила я, отрывая этикетку от бутылки и бросив её на стол. — Нетуж, спасибо.

— Есть и другие варианты, — сказала она с хитрой ухмылкой. — Например, проституция!

Я покачала головой. Становиться товаром на продажу и рабыней каких-нибудь ублюдков-сутенёров мне совсем не хотелось. К тому же, у меня слишком маленькая грудь для такого бизнеса.

— Может, продать почку? — предложила Эвелин шутя.

Для меня это не шутка. Моя сестра Кристина — сильная женщина, но по телефону она казалась уже совсем сломленной. Значит, ситуация действительно очень серьезная. Поэтому я понастоящему очень беспокоюсь о ней и своих племянниках.

— Нет уж! Лучше сохранить все мои части тела, они мне

пригодятся в будущем, — сказала я, морщась. — Жаль, что я не парень. Могла бы зарабатывать деньги, сдавая сперму.

— А как насчёт аукциона? — спросила Эвелин, наклонившись ко мне.

— Какого аукциона? — удивилась я.

Эвелин прикрыла рот рукой и прошептала:

— Джош рассказывал мне. На этом аукционе в прошлом месяце девушка продала свою девственность за двадцать пять тысяч долларов.

— Это было в прошлом месяце, — сказала я, закусывая ноготь. — Вряд ли я кого-то заинтересую! Кто захочет заплатить за меня целых двадцать пять тысяч долларов?

Я посмотрела на себя. В потрёпанных джинсах и рубашке, купленной на барахолке, я выглядела как студентка, не закончившая обучение. Длинные тёмные волосы отросли больше положенного, ногти обкусаны до крови.

— Я могла бы поработать с тобой, — предложила Эвелин, облизывая губы. — Если ты выставишь себя на аукцион, то сможешь сама устанавливать свою цену. Но это, конечно, твой выбор! Тебе решать!

— Может, всё-таки ты мне посоветуешь какой-нибудь другой выход? — спросила я, чувствуя, как внутри меня всё сжимается. И я сама прекрасно понимаю, что другого выхода у меня нет! Жестокое мужчины повсюду, они жаждут наброситься на отчаявшуюся женщину. «В беде дамочки всегда сговорчивее». Я где-то слышала такую фразу.

— Всем нужны деньги! И я считаю, это далеко не самый мерзкий способ их раздобыть!— ответила она, заворачивая жвачку в этикетку от моего пива. — Но ты смогла бы переспать с незнакомцем за деньги?Это довольно смело для тебя.

Я не спала с незнакомцами, но часто оказывалась в постели с мужчинами, которым от меня был нужен только секс. Меня, видимо, всегда привлекали только те, кто причинял мне боль. Насколько это будет отличаться? По крайней мере, я получу деньги.

— Сейчас у меня нет выбора, — сказала я. — Я даже с трудом оплачиваю аренду квартиры, но я не могу оставаться в стороне, когда моей сестре нужна помощь!

— Н ухорошо, тогда я позвоню Джошу, — пообещала Эвелин. — Он узнает все по подробнее про аукцион.

Я просыпаюсь поздно, с тяжёлой головой и сухими глазами. Трубы в квартире наверху скрипят, как старые кости, а снаружи полицейская сирена воет так громко, что может разбудить даже кладбище. Встаю с кровати и в два шага оказываюсь на своей кухне. Кастрюля в которой я кипечу воду стоит на плите, и я наливаю в неё всего лишь чашку — нет смысла тратить энергию на кипячение большего количества воды, чем нужно для одной чашки кофе. Вместо того что бы вчера поужинать я решила залить желудок алкоголем.

Когда я нахожусь рядом с Эвелин, я не могу мыслить ра-

ционально. В моей голове снова всплывает образ мужчины, с которым я танцевала до закрытия бара, и я морщусь от отвращения.

В холодильнике я нахожу несколько ломтиков хлеба и немного арахисового масла. Мне не заплатят до следующей недели, поэтому все это время приходится довольствоваться теми продуктами что я купила недавно. Сегодня вечером после работы я смогу принести домой немного еды. Если я зайду в супермаркет по дороге домой, то смогу купить продукты со скидкой на последние несколько долларов в моём кошельке.

Пока я намазывала арахисовое масло на хлеб, у меня зазвонил телефон. На экране высветилась фотография моей сестры. На фото её лицо светится от счастья, окружённое пухлыми щёчками её детей. Я с плохим предчувствием принимаю её звонок..

— Анна, — прошептала она.

— Что случилось? Ты в порядке?

— Ему становится хуже.

Её голос дрожал, как будто горло сдавило от страха. Я схватилась за столешницу, слушая её тихое, поверхностное дыхание.

— Что-то произошло?

— Он кричал на меня и детей. Выбросил их игрушки на улицу, они сильно плакали. Его глаза... они как будто мёрт-

вые. Как будто за ними ничего нет.

Я провела рукой по волосам и прошлась по своей крошечной квартире.

— Чёрт, — прошептала я, заламывая руки.

— Я больше не могу так, — её рыдание разрывало мне сердце. Она была моей младшей сестрой, и я всегда старалась её защитить. Но теперь она была слишком далеко, чтобы я могла помочь ей. Такие мужчины, как её парень, слушались только кулаков более крупного и злого человека, а у меня не было ни парня, ни мужа, которые могли бы вмешаться.

— Я знаю, что я могу сделать, милая, — в отчаянии в моей памяти всплыл вчерашний полупьяный разговор с подругой Эвелин прошлой ночью. Аукцион. Джош перезвонил и рассказал нам все детали. Для девушки, которая продала себя на аукционе, это означало минимум тридцать дней служения своему хозяину. Покупатели хотели получить то, за что заплатили. Я слышала эти условия и поняла, что могу просто на месяц превратиться в рабыню какого-нибудь сумасшедшего ублюдка, и раздумывала участвовать в этом безумном аукционе. Но теперь несчастный плач Кристины вернул меня к этой мысли. У меня не было другого выбора, только как пойти на это безумие. Даже если я буду работать в две смены, мне едва ли хватит денег на собственные расходы. Я грызла ноготь и смотрела на бурлящую воду, которая козалась вот-вот выплеснется на плитку. Придумать какой-то другой способ, чтобы добыть деньги, чтобы помочь сестре, у меня не

было ни времени, ни вариантов. мне придется пойти на это! Я выключила конфорку.

— У меня есть план, как достать деньги и помочь тебе уехать.— сказала я сестре по телефону.

— Какой план? — в её голосе звучала надежда.

— Это не важно. Я получу деньги через месяц.

— Через месяц? Где ты их возьмёшь?

Я проигнорировала её вопрос.

— Это лучшее, что я могу для тебя сделать. Послушай, если станет хуже... или если тебе нужно будет уехать раньше, найди убежище. Со мной скорее всего нельзя будет связаться в течении тридцать дней. Но знай, что я приеду за тобой и помогу вам с детьми. Хорошо?

— Мне это не нравится, — взволнованно сказала она.

Когда я не стала объяснять, где я возьму деньги, она просто вздохнула.

— Ладно.

Я ненавидела себя за то, что была так далеко от неё, и за то, что чувствовала себя беспомощной ей помочь.

— Я люблю тебя сестренка. Всё будет хорошо.

"А получится ли у меня провернуть это?"

Когда мы жили с мамой, и её очередной парень был в ярости, мы прятались под кроватью с мягкими игрушками, надеясь, что он нас не найдёт. Я говорила одно и то же: «Всё будет хорошо, сестрёнка», — а она держала меня за руку, пока мы не вспотели от страха. Тогда я не верила в то что

будет все хорошо, и сейчас с трудом в это верю. Я сделаю для неё всё возможное, но мой план был рискованным. Сесте и её маленьким детишкам придется провести ещё месяц с её полоумным гражданским мужем. Я просто не знала, что ещё можно для неё сделать.

— Просто пиши мне каждый день, если я не смогу пользоваться телефоном, я всё равно буду знать как у тебя дела. Хорошо?

— Хорошо.

Звонок оборвался, но моё сердце колотилось, наверное, ещё минут десять

.....

В большом помещении общей столовой окружной тюрьмы одновременно обедают несколько сотен зеков. Все они одеты в оранжевую робу. За одним из столиков сидят трое матерых зеков. Их накачанные мускулистые тела покрыты наколками. Эта троица выделяется своим внушительным ростом и габаритами даже среди большинства зеков. Один из них встает из-за стола и, кажется, не находит себе места.

— Ты можешь сесть, чёрт возьми? — рявкнул на него зек которого звали Виктор. Его зелёные глаза стали мутного оттенка, как плесень на зачерствевшем хлебе. Это был плохой знак.

— Я просидел большую часть дня. Мне нужно размяться. Это было самое ужасное в этом месте — постоянно быть взаперти. Иногда желание побежать становилось навязчивой

идеей, которая жгла мои конечности и мучила разум. Часа на прогулке во дворе никогда не хватало, а когда мы были заперты в камерах и единственная физическая активность — отжимания и приседания, то сдерживать накатывающую злость становилось просто невыносимо.

— Ты меня нервируешь, — Виктор сжал край стола, его татуированные руки побелели на костяшках.

— Расслабься, чувак, — сказал другой зек по имени Артур низким и спокойным голосом. — Просто подумай о том, что нас ждёт. О том, каково это — иметь собственную женщину.

Хватка Виктора ослабевает, но он всё ещё держит ситуацию под контролем. Проблема в том, что он плохо переносит любые перемены. Они вызывают у него внутренние колебания, какойто стресс и тревогу.

Я потираю затылок, чувствуя напряжение в мышцах. Стараюсь не думать о том, что обещал надзиратель, ведь в тюрьме обещания часто нарушаются. Он действительно должен нам, по крайней мере, он так говорит. То, что мы сделали, не было для нас сложным. В этом месте каждый мечтает расправиться с Маньяком Эвансом за его преступления. Начальник утверждает, что у него есть долг перед нами, и то, как он его возвращает, весьма непросто для него, но он все-таки решил пойти на это.

Супружеские свидания — здесь это обычное дело, но в этом месте никто не может позволить себе жить с женщиной

целый месяц. Это рискованно для всех. Найти женщину, готовую на такое, и организовать для неё безопасное место — задача не из лёгких. Вывести нас из камер, довериться нам и не допустить провала — всё это требует тщательного планирования и четкого расчета.

Это серьёзное дело, и у меня нет особых надежд на успех. Но прошло много времени с тех пор, как я чувствовал мягкость женского тела. Давно не зарывался лицом в её волосы, не наслаждался её теплом. Я привык к жёсткости собственных рук, даже мастурбация стала безвкусной необходимостью.

— Как ты думаешь, какой она будет? — в миллионный раз спрашивает Артур. Я стискиваю зубы, сдерживая резкий ответ. Откуда мне знать? Она может быть молодой или старой, полной или худой, красивой или нет. Это может быть потрёпанная проститутка или наркоманка. Она может быть всем, о чём я не мечтал, когда был свободным человеком.

— Для нас главное что бы она была в рабочем состоянии, — отвечаю я.

Это заставляет Виктора рассмеяться. Он закрывает глаза, словно представляя себе идеальную женщину.

— И все таки! Как думаешь, какой она будет? — спрашиваю я его, стараясь вернуть его к реальности. Если бедная девушка попадёт сюда, и он сорвется и придет в бешенство, то нам с Артуром придётся девушку защищать.

— Тёмные волосы, — говорит он, представляя, как проводит пальцами по её прядям.

— Брюнетка? — уточняет Артур с надеждой. Забавно, что я не знаю их предпочтений. Если у них есть идеал, я узнаю об этом только сейчас.

— Что ещё? — спрашиваю я, а он мечтательно смотрит в потолок.

— Хорошенькая, — говорит Виктор. — С красивой сочной задницей.

— Да, — соглашается Артур, меняя тон на более похотливый.

При упоминании задницы мой член становится твёрдым, и я поправляю его под оранжевыми штанами. Этот цвет — мой худший кошмар.

— Что ещё? — снова спрашиваю я.

Виктор потирает подбородок. Татуировка скорпиона на его лице дёргается. — Мягкие волосы на её киске.

Я ожидал, что он расскажет о её глазах, поэтому удивлённо фыркаю. — Ты хочешь, чтобы она была натуральной и не бритой?

— Конечно, — говорит он. — Хочу прижаться лицом к её мягкости.

Люди не понимают, что нам здесь не просто не хватает секса. Нам не хватает всего, что есть между мужчиной и женщиной. Если бы у нас была возможность, мы наслаждались бы этим, как вкусным пирогом.

— Тёмные глаза, — мечтательно говорит Артур закатив глаза к потолку . — В таких можно потеряться.

— Вы забыли про грудь? — спрашиваю я с лёгким налётом иронии. Смотрю на Виктора, пытаюсь понять, что у него на уме. В его глазах всё ещё видна та туманная дымка надвигающегося безумия, которая обещает проблемы. Ситуация может развиваться по-разному, но, кажется, он идёт по наклонной. Это будет продолжаться, пока он не найдёт в себе силы оттолкнуться от дна и взять власть над своими внутренними демонами.

— Надеюсь, у неё сладкие соски, — лениво произносит Артур. — Хотя, если честно, мне уже всё равно.

Виктор отпускает край стола и на мгновение закрывает глаза, погружаясь в свои мысли.

— О чём вы, идиоты, вообще говорите? Чего это вы удумали? — язвительно спрашивает Декер, кривя губы. Этот пронырливый зек шел мимо и услышал их разговор

— Это не твоё дело, — отвечает Виктор, вскакивая со своего места раньше, чем Артур успевает его остановить. Декер стоит на своём, словно бросая вызов судьбе, но выглядит как самоубийца, решивший дразнить медведя. Виктор способен оторвать ему уши быстрее, чем большинство мужчин вскрывают конверт.

— Не думайте, что мы не в курсе происходящего, — говорит Декер, сложив руки на своём животе. Вокруг него витает приторный запах пота, наполняя воздух неприятным ароматом.

том.

— Единственное, что здесь происходит, — это то, что ты рискуешь получить по морде, — отвечает Артур, поднимаясь на ноги и недобро прищуривая свои тёмные глаза. Большую часть времени он кажется мягким человеком, но его двухметровый рост хорошо это скрывает. Декер отступает, но выглядит так, будто вот-вот лопнет, как воздушный шарик на жаре.

— Говорить о женщинах так, будто ты их здесь как-то получишь, очень глупо, мне кажется, — замечает Артур.

— Нам следовало держать язык за зубами. В этом месте людям больше нечем заняться, кроме как слушать сплетни.

Я делаю шаг вперёд, и Дейкер отпрыгивает назад, ожидая моего удара. Может, до прошлого месяца я бы врезал ему, но не сейчас. Мне не время попадать в карцер. Я не откажусь от того, что заработал.

— Отвали, — рычу я, расправляя плечи и оглядываясь на кучку мужчин, которые наблюдают. Здесь всегда все наблюдают за всеми. Когда всё случится, все заметят наше отсутствие. И это неизбежно. Надзирателю придётся сказать им, что мы в карцере. Это лучшее прикрытие, которое мы можем придумать.

Когда Декер уходит, Виктор откидывается на спинку скамейки, а Артур осторожно опускается на пол.

— И маленькие мягкие ручки, — мечтательно говорит Виктор с глупой улыбкой. — Надеюсь, у неё действительно

маленькие мягкие ручки.

Уважаемый читатель, пожалуйста, не забывайте ставить лайки и подписываться на автора!

Глава 2

АННА

— Мне нужно взять отпуск на месяц!

Мой босс, Майкл Дуг, отшатывается от меня, как будто я только что ударила его по лицу. Я не брала отпуск уже два года, так что моя просьба стала для него большим сюрпризом.

К тому же я попросила дать мне целый месяц, а это окончательно повергло его в шок.

— Ты не можешь взять отпуск, темболее на целый месяц, — ошарашено усмехается он. — У нас нет никого, кто мог бы заменить тебя на всё это время.

Мне очень надо! У меня чрезвычайная ситуация в семье!—

— Мне жаль, что так вышло, — он проводит толстыми, как сосиски, пальцами по своей лысой голове, уже глядя поверх моего плеча, как будто разговор окончен. — Но я ничем не могу помочь тебе .. Не сейчас.

Я делаю глубокий вдох и провожу языком по зубам, чувствуя, как нарастает мой гнев, который я пытаюсь сдержать.

Я проработала здесь два года без перерыва. Это моя самая высокооплачиваемая работа. Мне нужно уйти в неоплачиваемый отпуск, чтобы помочь сестре. Мне это надо сделать во что бы то ни стало!

— Я понимаю, но оаботы сейчас много и я не могу дать тебе даже отгул.

Стул под мной пластиковый, и его острый край впивается в кожу, когда я сжимаю подсобой сиденье окоченевшими от напряжения пальцами.

— Мистер Дуг, мне жизненно необходим этот отпуск.

— Анна, это невозможно.

Я закрываю глаза, проглатываю ком в горле и ощущаю, как во мне нарастают разочарование и гнев. Этот человек просто не понимает. Я измотана бесконечной работой за гроши, пытаюсь свести концы с концами на мизерную зарплату, сколько бы компромиссов я ни старалась находить. Я устала отчитываться перед мужчинами, которые считают себя вершителями судеб, потому что управляют горсткой отчаявшихся людей и полудохлым бизнесом который находится на грани выживания.

Конечно эта работа важна для меня, но Кристина намного важнее. Моя сетра — это всё, что у меня есть.

Я резко встаю, и стул с грохотом скользит по полу, ударяясь о стену.

— Я увольняюсь.

Глаза Дуга расширились от удивления. Его лицо сейчас выглядит так, будто бы я сообщила ему, что выиграла в лотерею, или он увидел, как у меня выросла вторая голова.

Может, сегодня стоит рискнуть и в конец обнаглеть? Все-

ленная явно задолжала мне за все мои страдания.

— Дуг, я хочу свои деньги. Всё, что ты мне должен, и мою долю из кассы с чаевыми, — сказала я.

— Анна! — Он протянул руки, но золотое обручальное кольцо на его пальце, которое ничего для него не значило, сжимало его безымянный палец, словно пытаясь отрубить. Это было ещё одно напоминание о безнадёжности в нашей фирме. Я подумала: «Может, сказать его жене, что он спит с половиной женского персонала, и делают это женщины, чтобы сохранить свои рабочие места?»

— Просто отдай мне мои деньги, и я исчезну! — повторила я, понизив голос.

Его губы искривились в ухмылке, которую мужчины часто используют, когда думают, что женщины истеричны. Моя правая рука дёрнулась от желания ударить его по жирной голове. Он всегда был полным придурком.

— Мои деньги, Дуг, — сказала я, и его усмешка заставила меня потерять самообладание. — И премия за два года безупречной работы.

Или я расскажу. Уверена, что твоя жена заинтересуется твоей сверхурочной работой вместе с некоторыми сотрудниками. Или, быть может, это станет интересно санитарному инспектору... Я оставила угрозу висеть в воздухе. Он знал, что нарушает полдюжины правил, и никто не хотел, чтобы их еду готовили в месте, где Дуг занимался своими грязными делами.

— Пошла ты, Анна, — недобро сощурил глаза Дуг.

— Нет, ты пошёл к чёрту, — ответила я, упираясь руками в бока и наклоняясь над его столом. — Отдай мне то, что должен, прямо сейчас.

Он начал рыться в ящиках стола, и пот стекал по его огромному, морщинистому лбу. Я мысленно подсчитала, сколько мне причитается, и готовилась возмутиться, если сумма будет недостаточной. Когда он протянул мне пачку денег, я пересчитала их. Жалкие пятьдесят долларов за моё молчание — этого было мало.

— И остальное, — добавила я.

Его губы скривились, а глаза потемнели от ненависти, но мне было всё равно. Каждый этот доллар был мною заработан.

Он достал ещё двести и протянул мне. Я сунула пачку в карман джинсов.

— Вы могли бы оставить оставить работать трудолюбивого человека, если бы у вас было хоть немного сострадания, ты бы дал мне этот отпуск. Именно такие люди, как вы, превращают мир в помойку, — сказала я, глядя ему в глаза.

Он упёрся руками в стол, готовясь встать, а я отступила на шаг.

— Просто уйди с глаз моих, — бросил он напоследок.

С колотящимся сердцем я вышла из подсобки и направилась через ресторан, который слишком долго был для меня моим вторым домом.

— Эй, Анна! — Барбара, девушка, работающая со мной, встала на моём пути. — Ты в порядке, милая?

— Я уволилась! — Я обернулась и посмотрела через плечо. К счастью, Дуг не последовал за мной. — Этот человек — один из тех навозных червей, которые прячутся в темноте и вылезают только в ней.

Она сморщила свой милый курносый носик и сжала полные красные губы.

— Грубо, но не лишено смысла, — сказала она. — Ты серьёзно уходишь?

— Серьёзней и быть не может!! — подтвердила я.

— Что ж, подруга, не теряйся! — Она была милой, и, возможно, мы больше не будем общаться. Иногда коллеги становятся настоящими друзьями, а иногда просто замечательными людьми, которые делают рабочую рутину менее болезненной. Барбара была из таких. Она притянула меня в тёплые объятия, пахнущие ванилью, и я погладила её по косичкам.

— Продолжай учиться, — сказала я на прощание. — Ты работаешь усердно, чтобы не оказаться на моём месте и не тратить жизнь на минимальную зарплату, чтобы просто выжить.

Её карие глаза расширились от грусти.

— Я так и сделаю, милая. А ты береги себя, хорошо?

— Хорошо, — ответила я.

Выйдя из закусочной, я взглянула на бескрайнее небо.

Чувство свободы охватило меня, как никогда прежде. Если бы я исчезла в этот момент, никто, кроме моей сестры и подруги Эвелин, не заметили бы моей пропажи. Моя смерть осталась бы незамеченной, а могила — безымянной, о которой никто никогда не вспомнит. Это не та жизнь, о которой я мечтала в детстве. Тогда я была полна надежд и стремлений стать лучше, чтобы вырваться из дома, где чувствовала себя в ловушке и часто боялась остаться одна..

Я достала телефон из кармана и нашла номер Джоша.

— Привет, Джош. Это Анна, подруга Эвелин.

— О, как! Ты все-таки решилась пойти на аукцион, раз решила мне позвонить! — хрипло говорит он. — Или ты все еще колеблешься?

— Нет я все решила точно! Помоги мне попасть на аукцион!, — отвечаю я.

— Как скажешь! Это твое решение! Заеду за тобой сегодня в четыре часа.

Я смотрю на время. У меня два часа, чтобы собраться и окончательно все взвесить. Два часа, чтобы Эвелин превратила меня из пугала во что то такое на что мужчины могут обратить внимание.

— Я буду готова, — говорю я, прежде чем он успевает попрощаться и выключить телефон.

Всё из-за пива и болтовни Эвелин о сомнительных заработках. Так я оказалась на аукционе, в платье, которое больше подошло бы малолетней проститутки. С таким количе-

ством макияжа на лице, что не могу даже нормально улыбнуться. Эвелин была так довольна своей работой, что я не нашла в себе сил сказать ей, как насамом деле ужасно выгляжу. Но, возможно, именно это и привлекает здешних мужчин.

Джош, в кожаном пиджаке и с татуировками на мускулистой груди, стоит позади меня. Его ноги расставлены, голова высоко поднята — он не похож на человека, которому можно бросить вызов. и останется безнаказанным. Я благодарна Эвелин за то, что попросила его пойти со мной. Сегодня она работает и не могла со мной прийти.

Последние пятнадцать минут я наблюдала, как девушки поднимаются на сцену. Слышала как делаются ставки, видела мужчин, столпившихся у сцены, как гиены возле туши мертвого животного. Кто-то из мужчин был в костюмах, кто-то выглядел так будто бы только что из тюрьмы. Когда девушек покупали, у них не было времени собраться. Их просто сразу уводили мужчины прямо со сцены.

— Ты точно хочешь пройти через это? — наконец спрашивает Джош. Его голос звучит тихо, но в нём чувствуется забота.

— Есть тысячи мест, где я предпочла бы быть, сейчас, вместо этого аукциона! — признаюсь я. — Но я должна это сделать.

Он кивает, и разговор заканчивается.

В ожидании своей судьбы, я чувствую, как меня захлестывает волна одиночества. Жизнь не должна быть такой. Я видела, как жила моя мама, и поклялась, что сделаю всё, чтобы моя жизнь была лучше.

Я часто мечтала о добром и заботливом мужчине, но таких трудно найти, особенно в моём окружении. О красивом доме, детях, домашних питомцах. О шумном и светлом месте, полном тепла и смеха. Я цеплялась за эту картину, как за последний якорь, и отпускала её, когда становилось слишком темно или тесно. Иногда мне удавалось сбежать в этот придуманный мир и не поддаваться отчаянию. Но сегодня это невозможно.

На сцену выходит мужчина в мятом коричневом пиджаке и грязной рубашке. Его лицо напряжено, он отчаянно машет мне рукой. Аукционист зачитывает мою анкету: мне двадцать шесть, я официантка, у меня короткие ноги, узкая талия, большие ягодицы и плоская грудь. "Фу, блин, как будто лошадь продают". У меня есть хобби, которыми я пыталась заинтересовать мужчин: спорт, кулинария, танцы.

Думаю, теперь моя очередь быть проданой.

Поднимаясь на сцену, я чувствую, как сердце колотится, заглушая гул мужских голосов и торопливые комментарии аукциониста. Ладони потеют, мои каштановые волосы прилипают ко лбу. Я в панике смотрю на море мужских лиц передо мной. Мне кажется, что если сосредоточусь на одном мужчине, то он, скорее всего, окажется самым ужасным из

присутствующих и выиграет торги. Поэтому я не смотрю ни накого. Предоставляю сделать выбор только своей судьбе. Когда аукционист стучит молотком, и меня передают в руки мужчине в военной форме лет пятидесяти, я понятия не имею ни цены, за которую меня продали, ни того, куда меня ведут. Пока мы не выходим с ним на улицу. Он говорит со мной прямо и кратко, глядя мне прямо в глаза. И от того, что я слышала, у меня подкашиваются ноги, и мне кажется, что я скоро потеряю сознание. Этот пожилой мужчина с усталым взглядом и небольшим пивным животом говорит мне, что он заместитель начальника местной тюрьмы. И что мне придется провести этот месяц за решеткой. Мы садимся в его автомобиль и едем. Я будто бы нахожусь в ступоре, у меня, конечно, было предчувствие, что эта безумная затея может закончиться плохо. Но то, с чем мне придется столкнуться теперь, кажется просто ужасно пугающим.

АННА

Окрестности тюрьмы выглядят как антиутопический мир после апокалипсиса. Машина надзирателя Гарри с грохотом мчится по пыльной дороге, и у меня внутри всё сжимается от страха.

Пейзаж вокруг безжизненный: между потрескавшимся асфальтом пробиваются редкие сорняки, а вдали тянутся бесконечные заборы из колючей проволоки. Солнце садится, и его огненные лучи озаряют тюрьму, бросая блики на

высокие сетчатые заборы из колючки, зловеще сверкающей в угасающем свете.

Этот надзиратель тюрьмы не отличается словоохотливостью. За первые пять минут пути он сообщает мне три вещи: меня купили не для него, а чтобы вернуть долг, и теперь я принадлежу трём жестоким и, возможно, агрессивным и опасным мужчинам. Тридцать ближайших дней я проведу в заключении вместе с ними.

После этого мы оба замолкаем.

Кожа вокруг пальцев болит от укусов, сердце ноет, словно упало в желудок и растворяется в кислоте. Нога дёргается, будто хочет отделиться от тела, а я хочу смеяться — маниакально, со вкусом страха в нутри.

Я думала, что предложения Эвелин — это самое ужасное, с чем я могу столкнуться. Но это? Это даже выходит за рамки нормального воображения.

Все знают, что в эту тюрьму отправляют только за серьёзные преступления. Трое мужчин, наверное, судимых за убийство, будут делать со мной что хотят, и все это будет продолжаться в течение тридцати дней!

И ведь другого выхода у меня нет.

Когда я вижу главные ворота тюрьмы, это массивное сооружение с толстыми прутьями и камерами видео наблюдения, вооружённые охранники смотрят на нас с ближайшей сторожевой башни. Их силуэты выделяются на фоне сумеречного неба.

Механический гул возвещает об открытии ворот, и они закрываются за нами. ВСЁ. Я заперта.

Смотритель Гарри медленно паркуется и выключает двигатель. Мужчина крупный, когда-то, наверное, был в хорошей форме, но сейчас он располнел. Штаны натянуты на бёдрах, пиджак расстёгнут. Ему жарко, но я подозреваю, что дело не только в этом. Он присматривает за этим местом, но это не значит, что его не ждут неприятности из-за того, что он пытается сейчас устроить.

Гарри поворачивается ко мне, его водянисто-карие глаза внимательно изучают моё лицо. Его Усы слегка подрагивают.

— Это место, — его взгляд устремляется на здание впереди, — таит в себе опасность. Люди, с которыми тебе предстоит встретиться, тоже непростые. Но я не думаю, что они представляют для тебя угрозу. Ты понимаешь?

Я киваю, хотя его слова кажутся мне туманными. Собака, однажды укусившая, может укусить снова, даже если её посадить на цепь или вырвать ей все зубы.

— Всё, что тебе нужно сделать, — это сделать их счастливыми. Они совершили много плохого, но и много хорошего. То, что они сделали, заслуживает большего, чем я могу им дать. Это самое большее, что я могу сделать в знак благодарности. Как думаешь, ты справишься?

Его слова звучали как загадки, но мне было ясно одно: чтобы быть в безопасности, нужно делать всё, что скажут эти мужчины. Я не была готова к этому. В узком платье и туфлях

на ремешках я чувствовала себя особенно уязвимой. Но у меня не было выбора. Это ради моей младшей сестры, Кристины. Я бы сделала всё ради неё.

Нужно сосредоточиться на деньгах. Это больше, чем я ожидала. Больше, чем нужно, чтобы помочь Кристине и продержаться, пока я не найду выход.

— Если кто-нибудь спросит, то ты — моя двоюродная племянница, которая приехала посмотреть, как тут всё устроено. Как только ты окажешься там, где будешь жить, тебя никто не станет искать, — сказал он, проведя рукой по обветренному лицу и вздохнув. Он не хотел, чтобы это прозвучало зловеще, но моё сердце сжалось, и я почувствовала головокружение от страха.

Приняв решение, он открыл дверь машины и вышел наружу. Мои руки дрожали, когда он обошёл машину, чтобы открыть дверь для меня. Я схватилась за сиденье, желая попросить его отвезти меня домой. Проблемы Кристины теперь вдруг показались мне такими незначительными, когда я поставила свою жизнь на кон ради её безопасности. Но потом мне стало плохо, потому что она поступила бы так же ради меня. Она рисковала бы собственной жизнью, чтобы помочь мне. Я точно это знаю.

В трудные моменты нашего детства Кристина бросалась наперерез летящим кулакам, чтобы защитить меня. Я бы сделала то же самое для неё. Мы всегда были рядом друг с дру-

гом, даже в самых тяжёлых условиях.

Сирена напугала меня, и я выбралась из машины. Прижав руки к груди, я огляделась. Громкие мужские голоса эхом разносились по просторному помещению, а дверь машины захлопнулась с громким звуком, похожим на выстрел.

— У тебя есть телефон?

Он посмотрел на выпуклость на моём бедре. Единственный способ спрятать его — под подолом платья, за резинкой трусиков.

— Да.

— Тебе придётся отдать его мне.

Теперь у меня отобрали единственную связь с миром и Кристиной.

Я опустила руку под платье и достала маленький тёплый телефон, протягивая его ему.

Вы принесёте его мне, чтобы я могла проверить сообщения, хотябы иногда?

Он убирает телефон в карман и кивает.

Воздух в тюрьме кажется тяжёлым и душным. Вестибюль выглядит пыльным и контрастирует с серыми стенами и резким светом флуоресцентных ламп. За дверью нас встречают металлодетектор и вооружённые охранники. Запах дезинфицирующего средства смешивается с лёгким ароматом пота и чем-то неопределённым.

Мы проходим через охрану без вопросов, но я настолько напряжена, что ничего не замечаю. Мой обыск проходит

быстро, так как у меня ничего нет. Надзиратель Гарри ведёт меня вглубь здания. Звук моих шагов эхом отдаётся от бетонных стен. Коридоры узкие, без окон, с тяжёлыми дверями и маленькими укреплёнными стёклами. По пути я встречаю охранников, которые смотрят на меня с любопытством и безразличием. Гарри идёт быстро, едва оглядываясь на меня.

Чем дальше мы идём, тем сильнее эта тюрьма давит на меня. Постоянный гул систем безопасности заполняет мой разум. Каждые несколько шагов я слышу хлопки металлических дверей и приглушённые голоса заключённых, что усиливает мой страх.

Мы проходим мимо камер, комнат для допросов и кабинетов. Иногда мимо проходят заключённые под охраной. Их лица суровы, а взгляды устремлены на меня.

Гарри останавливается перед укреплённой дверью и говорит мне монотонно как робот: «Блок D. Здесь содержатся люди, с которыми вам предстоит работать. Будьте осторожны. Не делитесь личной информацией. Держите свои секреты при себе. Это важно!»

Вместо того чтобы войти, он обходит дверь и спускается по лестнице в тёмный коридор. В конце коридора находится пустое помещение. «Раньше здесь был медпункт, пока его не перенесли. Здесь безопасно, но камеры отключены и сюда никто не заходит».

Я осматриваюсь, замечая маленькие комнаты, открытую дверь в ванную и комнату для персонала. Помещение огром-

ное, но окна слишком высоко и укреплены решётками. Здесь нет уюта в нормальном его понимании.

— Подожди здесь, — говорит он. — Я сейчас приведу их. Он поворачивается ко мне и спрашивает:

— У тебя есть сумка?

Блин он только сейчас он заметил? Я так спешила зарегистрироваться на аукцион, что оставила сумочку на мотоцикле Джоша. А он увез меня, не дав вернуться за ней. Я качаю головой.

— Вам не понадобится много одежды, — говорит он, хитро улыбаясь. — Но я найду вам зубную щётку, полотенце и мыло.

Он набирает код, и дверь с громким щелчком открывается. Я прислоняюсь к стене и сдерживаю слёзы.

«Вам не понадобится много одежды...» — эти слова эхом звучат в моей голове.

Реальность того, на что я согласилась, сдавливает мне горло. Как я буду держаться, когда встречу их?

Когда надзиратель уходит, я спешу в ванную. Смотрю на своё отражение и пугаюсь. Мои глаза обведены тёмными кругами, губы опухли, а на шее выступила нервная сыпь. Я пытаюсь успокоиться, но комната кажется мне тесной, потому что мне хочется метаться из угла в угол.

Я едва успеваю взять себя в руки, как слышу тяжёлые шаги. Грубый голос надзирателя Гарри эхом разносится по коридору. Пульс учащается, во рту пересыхает. Я выпрямля-

юсь, обхватив себя руками, готовясь к встрече с мужчинами, которые теперь решают мою судьбу.

Кодовый замок пищит, и дверь открывается. Гарри входит первым, его лицо непроницаемо, но в глазах читается решимость. Я понимаю, что пути назад нет.

За ним входят мужчины, мгновенно заполняя пространство своими мощными фигурами.

Первым в комнату вошёл высокий мужчина. Его плечи были настолько широкими, что закрывали дверной проём, отбрасывая длинную тень на всю комнату. Светло-каштановые волосы коротко подстрижены, подчёркивая жёсткий подбородок и глубоко посаженные голубые глаза, которые внимательно смотрели на меня. Он двигался с грубой силой и плавностью, медленно оглядывая меня с настороженностью на лице. Его татуированные бицепсы напрягались под тканью тюремной рубы, когда он с глухим шумом бросил на пол небольшую сумку.

В комнату вошёл второй мужчина. Его манеры контрастировали с первым: этот явно нервничал. Тёмные волосы спадали на глаза, но именно взгляд притягивал внимание. В его тёмно-зелёных глазах читалась дикость, сменяющаяся холодным расчётом. Губы изгибались в полуулыбке, но от нее становилось тревожно. Это была улыбка хищника. Он бросил сумку рядом с вещмешком, не отрывая от меня глаз.

В комнату вошел третий мужчина, самый высокий сре-

ди всех. Его тело двигалось грациозно, словно у танцора. Смуглая кожа, темные вьющиеся волосы, собранные в пучок, и мощная фигура делали его внушительным. Осанка источала силу, но глаза выдавали настороженность. Он кивнул мне, стиснув челюсти под густой бородой. В руке он держал небольшую книжку в мягкой обложке.

Напряженная тишина повисла в комнате. Трое мужчин терпеливо ожидали. Их позы были разными, но все они источали опасность. Я добровольно шагнула в этот мир! О черт! Мне конец!

Смотритель Гарри прокашля, выводя меня из оцепенения.

— Анна, это Джеймс, Виктор и Артур, — сказала она, глядя на Джеймса. — Ты знаешь условия. Ты отвечаешь за неё. Она здесь ради тебя, твоя задача — обеспечить её безопасность.

Мужчины обменялись взглядами, словно безмолвно общаясь. Первым тишину нарушил Джеймс.

— Понял, — коротко сказал он, наконец посмотрев на меня. В его глазах читалось что-то непонятное, как будто он пытался решить, что обо мне думать.

Лицо Гарри смягчилось. Он протянул мне небольшую сумку.

— Веди себя спокойно, — сказал надзиратель и, не дожидаясь ответа, развернулся и вышел.

Дверь захлопнулась, и её эхо разнеслось по пустым кори-

дорам. Моё сердце бешено колотилось, мои ладони вспотели. Я стояла перед тремя незнакомцами, и каждый из них смотрел на меня по-своему. Джеймс — с тихой сосредоточенностью, Виктор — с тревожной ухмылкой, Артур — настороженно, но без враждебности.

— Ты Анна, верно? — мягко, но уверенно спросил Джеймс.

Я кивнула, не в силах заговорить.

Он подошёл ближе, и его внушительное присутствие стало ещё более ощутимым.

Я сглотнула и заставила себя ответить:

— Да, я Анна.

Джеймс протянул руку. Я долго смотрела на неё, прежде чем протянуть свою.

— Джеймс. Рад познакомиться.

Виктор усмехнулся, стоя у двери. От его голоса у меня побежали мурашки.

— О, милая, я более чем рад познакомиться, — протянул он.

Артур бросил на Виктора предупреждающий взгляд. Виктор пожал плечами и прислонился к стене с той же ухмылкой. Затем Артур посмотрел на меня и сказал удивительно мягко:

— Не нужно так на нас смотреть. Мы здесь не для того, чтобы причинить тебе вред.

Его слова звучали искренне, но в такой обстановке мне

было трудно поверить своим ушам.

Я уже сталкивалась с такими мужчинами. Почти все мамины ухажёры причиняли мне боль и пытались сделать что-то ужасное со мной и моей сестрой, когда мы были слишком малы, чтобы защититься. Они были худшими из всех, кого можно себе представить. Но теперь я выросла, стала сильнее и лучше подготовлена ко всему, что может случиться. По крайней мере, я надеюсь, что готова.

Они симпатичные мужчины, но в них есть что-то странное и опасное. В каждом из них чувствуется жестокость, как будто их закалили трудности и насилие. Если бы я встретила кого-то из них в баре и он сказал правильные слова, возможно, я бы пошла с ним домой и делала бы то, за что мне сейчас платят. Меня всегда привлекала их грубость, их недоверие и готовность сорваться при малейшем давлении. Их тела напоминают оружие, покрытое шрамами сражений, а энергия, которую они излучают, одновременно привлекает и пугает меня.

Может быть, если я буду добра к ним, им будет легче принять меня.

Возможно.

Это теперь моя реальность на весь следующий месяц.

АРТУР

Анна смотрит на меня своими большими тёмными глазами, и я теряюсь. Я говорю правду: мы здесь, чтобы помочь, а не навредить. Но то, что нам предстоит, может её ранить.

Она такая маленькая, хрупкая: тонкая талия, которую я могу обхватить руками, и пышные бёдра, от которых трудно отвести взгляд. Её платье облегает фигуру, оставляя мало простора для воображения. Достаточно одного резкого движения, и оно порвётся прямо на ней.

Я с трудом сглатываю, не в силах избавиться от мыслей, которые появились, едва я её увидел.

Мы так долго ждали этого дня. Теперь, когда мы остались с ней наедине, впервые за долгое время, я растерялся. Джеймс выглядит напряжённым, а Виктор почти теряет контроль. Нужно отвлечься.

— Где твои вещи? — тихо спрашиваю я у девушки.

— Я пришла прямо с аукциона, — дрожащим голосом объясняет она. — Смотритель забрал у меня телефон и сказала, что мне не понадобится много одежды.

Краска на её лице многое говорила. Она не была продажной женщиной и не привыкла к подобным ситуациям. Вероятно, у неё были парни, но она никогда не встречалась с незнакомцами. Особенно с такими, как мы, заключённые. И уж точно не с тремя одновременно.

Начальник тюрьмы был полон решимости вернуть нам долг. Возможно, ему стоило больше времени потратить на выбор подходящей женщины для нас. Джеймс не дурак, но Виктор — это настоящая бомба. В лучшем случае, маленькой Анне лучше молиться, чтобы не столкнуться с его худшими сторонами.

Виктор решает разрядить неловкую паузу и спрашивает:

— А что в сумке?

Анна крепче сжимает ручку и заглядывает внутрь.

— Зубная щётка, полотенце и... — Она замолкает, кусая губы. — Презервативы.

— Ура! — кричит Виктор. — Смотритель прислал резиновые сапоги.

Джеймс бросает на него свирепый взгляд. Анна вздрагивает от крика и чуть не подскакивает на месте. Он поворачивается ко мне и, приподняв брови, говорит:

— Позаботься о Викторе, пока я разберусь с девушкой.

Я не возражаю. Это в духе Джеймса. Он всегда стремится всё контролировать и никому не доверяет. Я не обижаюсь. Некоторые мужчины созданы для лидерства, но я уже сталкивался с этим в детстве. Мой отец пропивал всё до последней копейки, а сестра плакала в ожидании ужина. Тюрьма изменила меня, к лучшему или к худшему, не знаю.

Джеймс касается локтя Анны, и она вздрагивает, прежде чем позволить ему отвести её в одну из комнат.

Виктор собирается пойти за мной, но я хватаю его сумку и бросаю ему:

— Нам нужно найти место для вещей.

В соседней комнате мы видим две кровати, больше похожие на нормальные кровати, а не на тюремные шконки. Рядом с каждой стоит небольшой шкафчик. Мне нужно распаковать немного вещей, и Виктору тоже. Через пару минут он смотрит на дверь, и его руки начинают дрожать.

— Думаешь, он уже... ну, ты понимаешь? — спрашивает он, облизывая нижнюю губу.

— Нет, — отвечаю я.

— Почему нет? Я бы не стал терять ни минуты!

Виктор попал в тюрьму в юном возрасте. Он не был девственником, но его опыт общения с женщинами был ограничен пьяными связями с девушками, которых привлекали его симпатичное лицо и мускулистое тело. Он был красив, как голливудская звезда, но его путь в криминал был предрешен, это на это повлияли неблагоприятные обстоятельства его детства.

— Сначала нужно дать ей привыкнуть к нам, — объясняю я Виктору. — Мы не торопимся. Просто нужно время, чтобы она нас полюбила. Не стоит ломать ей психику, она не шлюха, решившая быстро заработать. Похоже, она обычная домашняя девочка, которую заставили пойти на это.

— А что ей не нравится? — Виктор смотрит на себя с непониманием, забывая, что на нём тюремная одежда.

— Она нас не знает, — говорю я. — Дайте ей немного времени освоится, и всё наладится.

Иногда мне кажется, что я говорю с ребёнком. Виктор пережил серьёзную травму и застрял в возрасте, который гораздо моложе его физической формы.

«Когда женщина хочет заняться сексом, она отвечает на поцелуй, становится влажной и двигается вместе с тобой. Ты понимаешь, о чём я?»

Сомневаюсь, что ему приходилось сильно стараться, чтобы женщины снаружи хотели его. Когда он под кайфом, он — сама жизнь, и в его внешности есть что-то невинное, что делает его менее опасным. Но это было снаружи, и у тех женщин которых он встречал на воле был выбор.

Его взгляд снова устремляется к двери. «Как нам заставить её захотеть секса?»

— Мы поговорим с ней, — отвечаю я. — Дадим ей время, чтобы она нас узнала. Сделаем так, чтобы ей понравилось. Звучит мерзко, но я не это имел в виду. Я хочу, чтобы она сама захотела, но не хочу манипулировать ею. Я не из тех, кто находит слабые места людей и пользуется ими. Здесь полно таких мужчин. Мужчины, которые убивали своих подруг или жён после того, как начали отношения.

Я провожу рукой по волосам, ненавидя эту ситуацию и себя за то, что так сильно хочу, чтобы всё было хорошо.

«Я знаю, как доставить ей удовольствие», — говорит Виктор, хватаясь за промежность, чтобы проиллюстрировать свою мысль. У него здоровый член, это видно даже через штаны. Я отдаю ему должное. Он, наверное, немного мень-

ше меня, но на его худощавом теле это выглядит большим. Слишком большим для маленькой Анны, если она привыкла к маленьким членам то девченку эдет сюрприз.

— Член приходит последним, — говорю я. — Сначала язык, потом пальцы, страстный поцелуй. Потом прикосновения. Трахайся, только когда она уже стонет.

Мой член твердеет при этой мысли. Я не знаю, сколько женщин этот парень имел за свою жизнь, но его голод, вероятно, сведет Анну с ума.

Как бы мне ни хотелось попробовать её сладкую киску, я не против подождать, пока Виктор не кончит в неё до меня. Он плохо справляется со своими нервами, а я могу и подождать. Я долго ждал и хоронил надежду на что-то лучшее в своей жизни. Теперь, когда это случилось, мне нужно привыкнуть к тому, что это ненадолго. Отпустить себя и наслаждаться этим может быть очень сложно, но я это сделаю.

Уважаемый читатель, пожалуйста, не забывайте ставить лайки и подписываться на автора!

Глава 3

АРТУР

Как можно наслаждаться мороженым тридцать дней подряд, зная, что потом всю жизнь придётся есть только овсянку? Наслаждение новым — это риск для моей психики. Но я должен рискнуть. Я не могу оставаться здесь ещё один день, не почувствовав снова, каково это — быть свободным.

— Они выходят, — шипит Виктор, переминаясь с ноги на ногу.

Я следую за ним обратно на открытую площадку как раз в тот момент, когда Джеймс ведёт Анну на кухню. Он открывает холодильник и достаёт оттуда что-то, что выглядит как готовое блюдо быстрого приготовления из магазина. «Там еда, — говорит он, — и микроволновка». Когда я подхожу ближе, я замечаю крепёжную планку, которая прижимает прибор к стене. Нам даже не разрешают пользоваться микроволновкой, не прикрепив её к стене.

— Ты голодна? — спрашивает он Анну. Она качает головой, и он хмурится потому что не верит ей. — Когда ты ела в последний раз?

— Сегодня утром, — почти шепчет она.

— Значит, тебе нужно поесть. — Он находит в ящике несколько пластиковых вилок и пытается проткнуть ими плёнку. За каждое ограничение приходится платить. Каждое

изменение в этом месте — это обвинение в том, на что, по их мнению, мы способны. Власти не учитывают обстоятельства, из-за которых мы оказались здесь. Любой человек способен на насилие, если дать ему повод. Это не значит, что они сделали бы это снова. Это не значит, что осужденные не сожалеют об этом.

Когда еда начинает кружиться в освещённой, гудящей камере микроволновки, Анна прислоняется к стене. Она словно оседает. Возможно, угроза от нашего присутствия утомляет её.

— Что там ещё есть? — спрашивает Виктор, и его глаза загораются, как рождественские ёлки.

— Ты ждёшь пива? — Джеймс криво усмехается.

— Одна бутылка бы мне не помешала!.

Одна бутылка пива могла бы быть слаще мёда, но это не случится. Разве что мы будем паиньками, и благодарность надзирателя станет слишком сильной, чтобы он смог её сдержать. Это возможно, но я не жадный.

Малышка Анна — это наш рождественский подарок на всю оставшуюся жизнь, упакованный в один сладкий свёрток на троих.

Микроволновка звякает. Джеймс достаёт поднос с горячей водой. Вместо того чтобы передать тарелку Анне, он несёт её к маленькому столику с скамеечками. Стол и скамейки намертво прикручены к полу. Он ставит поднос и мягко говорит:

— Садись. Ешь.

Анна смотрит на еду, потом на нас. Её взгляд испуганный, как у маленького олененка. Но тон Джеймса твёрд. Кажется, это подталкивает её к действию. В этом весь Джеймс — он всегда старается всё контролировать.

“Ты голоден?” он спрашивает меня.

“Я всегда голоден”.

Он фыркает и возвращается на кухню, но сначала кивает мне, чтобы я сел рядом с Анной.

— Ты и мне ужин приготовишь? — спрашивает Виктор.
— Ты играешь в мамочку?

— Замолчи и сядь, — с улыбкой говорит Джеймс. Он хотел бы добавить, что мама Виктора была очень худой, и между ними нет ничего общего. Он мог бы сказать, что был бы лучшим родителем, чем эта пустая оболочка. Но Джеймс не злой человек, и ему не хочется, чтобы Виктор вспоминал её такой.

Пока Джеймс занят, я сажусь напротив Анны и слежу, чтобы Виктор оказался рядом. Она аккуратно снимает пленку с еды, не поднимая глаз.

— Ты сама откуда? — спрашиваю я.

— Из Элдриджа, это в двух городах отсюда, — отвечает она.

— Я тоже оттуда, — говорю я.

— Мы с Джеймсом из Хилл-Вэлли, — говорит ей Виктор.
— Это всё ещё наш дом, хоть мы и не живём там.

— Ты ходила там в школу? —

Её тёмные глаза сталкиваются с моими, и в них ясно читается страх. Грейди, видимо, предупредил её не раскрывать о себе ничего. Он велел ей не давать нам информацию, которую мы могли бы использовать против неё. Но почему? Никто из нас не выйдет на свободу в ближайшее время.

— Я учился в старшей школе Элдриджа. Место ужасное. Еда была хуже, чем здесь. — Анна улыбается после этих слов, но я продолжаю. — Директор был из тех старых чуваков с причёской ёжиком. Когда дул ветер, причёска наклонялась в одну сторону.

— У меня была учительница с самыми большими сиськами, которые ты когда-либо видел. Виктор проводит пальцами по губам, словно смакуя воспоминание. — Больше моей головы. Он смотрит на меня. — Больше твоей.

— Это круто, — говорит Анна, шокируя меня. Я не думала, что она уже готова отвечать, особенно о сиськах учительницы Виктора.

Виктор усмехается в ответ на насмешку, которую, как мне кажется, она не собиралась отпускать. Я большой мужчина со всем большим. Но я не из тех, у кого слишком раздутое эго.

— Она была красивой? — спрашиваю я Виктора, желая поддержать разговор.

— Нет, — говорит он. — Ей было пятьдесят, и она носила кардиганы, застегнутые на все пуговицы, кроме тех, что

открывались там, где выпирали её сиськи.

Анна опускает взгляд на свою грудь, словно осознавая, что ей чего-то не хватает. Под слишком тесным платьем виднеются аппетитные маленькие бугорки. Если бы я был любителем поспорить, то предположил бы, что она не носит бюстгальтер. От одной этой мысли у меня в паху все закипает, а страх пульсирует где-то рядом. Она такая невероятно хрупкая, и ни одна из наших рук не будет нежной. Мы могли бы причинить реальный вред своей сдерживаемой сексуальной энергией и грубостью, которая приходит с жизнью в таком месте, как это. Чтобы выжить, нужно закалиться. Это вопрос жизни и смерти, и, к лучшему или к худшему, я всегда буду выбирать жизнь.

Когда Джеймс первым делом ставит перед Виктором еду, он забрасывает её в рот, как будто это его последний приём пищи перед голодом. Всё это время Анна наблюдает, чувствует, определяет, какие мы, и наверное прикидывает, выживет ли она в течение тридцати дней.

Джеймс приносит хлеб, он превращается в кашу во рту, но очень сытный. Это хорошо. Я крупный, а здешние пайки не поддерживают здоровое телосложение. Я предлагаю Анне отломить кусочек. Она робко отламывает уголок и отправляет в рот. У нее милые пухлые губы с остатками помады, нанесенной ранее. Нос слегка вздернут, придавая утонченность. От её блеска волос хочется нежно погладить её по голове. Готов поспорить, от нее пахнет клубникой, жасмином или

другим женским ароматом, который я даже не могу вспомнить.

“Что вы думаете о тюрьме?” — спрашивает её Виктор.

— Она большая, — говорит она. — Довольно просторна.

Никаких других ярких цветов, кроме зековской одежды.

— Это помогает нам понять, где мы, — Виктор опускает вилку. — Эти ублюдки всегда наблюдают.

— Кроме как здесь, — говорю я. Я хочу, чтобы это прозвучало позитивно, но как только слова слетают с моих губ, я понимаю, как они звучат для неё. Без камер и глазков в дверях никто не следит за безопасностью Анна. Она действительно наедине с нами.

Мышцы на ее плечах напрягаются.

Джеймс возвращается с моей едой, а затем уходит, чтобы разогреть свою. На вкус она пресная, но без присмотра охранников и присутствия других заключённых которых всегда полно в столовой это самая вкусная еда, которую я когда-либо ел.

— Так ты любишь музыку? — спрашиваю я, пытаюсь придумать, о чём бы ещё поговорить. Я чертовски плохо флиртую.

— Да. Мне нравится кантри, рок, немного поп-музыки.

“И мне нравится музыка кантри”, - говорит Виктор.

“Он даже умеет петь” -говорит Джеймс

Анна приподнимает брови и, взглянув сначала на меня,

словно проверяя, серьёзно ли я говорю, переводит взгляд на Виктора, ожидая продолжения.

Виктор запрокидывает голову и начинает петь песню, которая обычно выводит меня и Джеймса из себя. Это композиция о тюрьме, не самая вдохновляющая, но Анна не может оторвать от него глаз. Клянусь, этот парень может спеть любую песню и звучать как ангел.

Джеймс присоединяется к нему из кухни. Его голос низкий и хриплый, но это не мешает. Их гармония грубая и идеально подходит к песне. Я хлопаю в такт, а Анна, распахнув глаза, восхищённо смотрит на нас. Это хорошо. Когда мы поём и работаем вместе, она видит нас не такими пугающими.

Однако, как только её поза расслабляется, Виктор внезапно останавливается, чтобы перекусить, и снова воцаряется тишина. Обычно я хорошо переношу тишину, но сегодня она такая густая, что можно задохнуться. И если я чувствую себя так, то Анна, должно быть, тонет в этой тишине.

— У тебя есть мужчина? — внезапно спрашивает Виктор, указывая вилкой на Анну, а затем обводя ею круг. — У тебя там есть мужчина, Анна?

Её плечи напрягаются, и бретельки, удерживающие платье, слегка расходятся. — Нет. Ни одного мужчины.

“А семья?”

— У моей сестры двое детей. Она живёт далеко. Моя мама живет рядом, но мы не общаемся!.

Как же печально видеть, что эта девушка совсем одна, как

и каждый из нас. Мама Виктора умерла от передозировки. Отца он не знает. Донор спермы Джеймса погиб в аварии. Его мама живёт в Айдахо – слишком далеко, чтобы когда-либо приехать.

Моя семья сократилась до сестры, которая служит в армии. Мы не разговариваем с тех пор, как меня осудили. Я не уверен, что смогу доказать ей, что я хороший человек. Воспоминания о нашем отце изменили её мнение обо мне, и она не может избавиться от этих мыслей.

Чувствовать себя одиноким в этом мире неприятно. Но у меня есть друзья. Они стали моей семьёй, которую я сам выбрал. Надеюсь, у Анны тоже есть друзья. Я не хочу думать о ней как об одинокой. Но она оказалась в такой ситуации. Возможно, она действительно одна.

Я не могу проглотить кусок. Меня начинает тошнить от мысли о следующем. Опустив вилку, я пытаюсь придумать что-то ободряющее.

— Когда я только попал сюда, мне было тяжело. Но со временем я привык к запахам и звукам тюремной жизни. То, что раньше меня будило, теперь стало успокаивать. Воспоминания о внешнем мире постепенно померкли. Первые дни здесь покажутся странными, но ты обязательно привыкнешь. Мы тебе поможем..

Анна, застывшая с вилкой на полпути ко рту, внимательно смотрит на меня, оценивая мои слова. Она пытается понять, можно ли мне доверять. Я не знаю, что она видит, но она

кивает и продолжает есть.

Что еще здесь можно сделать?

Есть, спать, принимать душ, заниматься спортом, смотреть телевизор,..... драть.

А теперь, когда Анна здесь, есть ещё один вариант.

ДЖЕЙМС

Она сильно нервничает. Её тело дрожит в моих руках, будто ей холодно.

Неудивительно. Анна гораздо меньше любого из нас. Она одна в этой изолированной части тюрьмы. Надзиратель будет приходить хотя бы раз в день. Но у нас есть время, чтобы разобраться с ним, если нужно.

Анна ничего не знает о нас. Ни о наших преступлениях, ни о прошлом. За полчаса она успела составить мнение. Надеюсь, оно будет хорошим.

Любой может подумать, что я плохой человек. Татуировки, шрамы, взгляд — всё это наводит на мысль о насилии. Я совершил ошибки, возможно, слишком много. Но я никогда не причиняю боль женщинам против их воли.

Боже, я надеюсь, ей понравится.

Во время обеда я размышляю о дальнейших действиях. Нужно найти баланс между интересами Анны, Виктора и Артура. Их желания не всегда совпадают.

Виктор особенно нервничает. Его глаза всё ещё мутные, хотя и не такие, как хотелось бы.

Анне нужна поддержка и уверенность. Ей необходим кто-

то, кто поможет ей освоиться и почувствовать себя комфортно. Если она сможет это сделать, то проведет месяц, наслаждаясь каждым моментом. Я хочу слышать её крики удовольствия, когда я с ней. Хочу почувствовать, как она достигает пика наслаждения на моем члене и вытягивает из меня все накопившиеся эмоции. Я мечтаю погрузиться в неё так глубоко, чтобы мы были неразрывно связаны, даже во сне, и она забыла, каково это — когда её не наполняет мой толстый член. От этой мысли моё сердце сжимается. Но как нам достичь этого, не напугав её?

Если бы я мог не спешить, я бы так и поступил. Я мог бы подождать немного, чтобы месяц завершился идеально. Но Виктор не терпелив. Даже Артур выглядит напряжённым; его обычно расслабленное тело теперь натянуто, пока он ест и следит за Анной, словно за рыбой, которая вот-вот выскользнет из сети.

Я понимаю, что у него были хорошие намерения, но не в этот раз. Лучше бы он смог накопить денег на трех женщин. Было бы легче, если бы не требовалось делиться, но, возможно, в его безумии есть смысл. Мы с Артуром доверяем Анне, потому что вместе мы сдерживаем своих внутренних демонов. В одиночку они могут вырваться наружу. Я не смог бы расслабиться, зная, что Виктор наедине с женщиной, а мы с Артуром отвлечены. Нам нужно быть рядом, чтобы защитить Анну, пока она не научится принимать нас.

Когда Анна уходит в туалет, я стараюсь максимально использовать это время.

— Я разберусь с ней, — говорю я. — Успокою. Подготовлю к тебе.

Виктор хочет возразить, но Артур его опережает.

— Это правильно. Ей это нужно.

— Комната, где она оставила свои вещи, предназначена только для нее и тех, кто с ней. Остальные спят в соседней.

— Стены здесь тонкие, — предупреждает Артур. Я понимаю, что он имеет в виду: шум может распространяться и стать триггером.

— Мы можем наблюдать? — спрашивает Виктор.

— Нет.

Он не рад, но пока соглашается.

— Расскажи о ней, — просит он. — Как она выглядит, на ощупь, на вкус?

— Да, Виктор, расскажу.

Он массирует затылок, снимая напряжение.

— Смотрите телевизор, чтобы она не волновалась.

— Хорошо.

Артур встает из-за стола, берет пластиковые контейнеры и относит их на кухню, чтобы выбросить. Виктор садится перед телевизором на один из четырех стульев. Включает его. В комнате разносится звук, и бодрый голос ведущего звучит раздражающе и фальшиво.

Анна появляется в дверях, оглядывая комнату широко

раскрытыми глазами. Она освежилась, смыв макияж. Её кожа чистая и слегка розовая от умывания. Без яркого макияжа она выглядит моложе и красивее.

— Они собираются смотреть телевизор, — говорю я, поднимаясь со скамейки. — Хочешь пойти со мной?

Вопрос звучит одновременно как предложение и приглашение. Она сглатывает и прикусывает губу, когда я протягиваю руку, чтобы провести её обратно в импровизированную спальню. Заходим внутрь, она останавливается у кровати, а я медленно закрываю дверь, прислоняясь к ней, но стараясь не подходить слишком близко.

— Это платье выглядит неудобным, — замечаю я.

Она бросает взгляд на себя.

— Нет, это даже не моё.

— У подруги одолжила? — пытаюсь я разрядить обстановку шуткой.

— Да. Она подготовила меня к аукциону.

Я хочу узнать, что случилось на аукционе, почему она оказалась там и сколько Гарри, смотритель тюрьмы, заплатил за неё. Мне интересно, сколько ей лет — она выглядит очень молодой. И, наконец, какой у неё опыт в сексе.

Её поведение заставляет задуматься, девственница ли она. Но я надеюсь, что это не так. Нам и без того хватает проблем. Мы, конечно, злодеи, но потерять девственность в камере с заключёнными — это уже слишком.

Если я начну задавать ей эти вопросы, она, вероятно, за-

мкнётся. Это напомнит ей о жизни на свободе и о том, почему её продали, как вещь, для обслуживания трёх мужчин в тюрьме. Мне бы хотелось, чтобы она забыла об этом.

“Ты хочешь надеть вместо них одну из моих рубашек?”

Взглянув на мою белую футболку, она кивает.

Я достаю из сумки чистую рубашку и протягиваю ей. Анна бросает взгляд на дверь, затем снова смотрит на меня. Я понимаю её мысли: где переодеться? Можно было бы предложить ей вернуться в ванную, но это бессмысленно. Сегодня вечером она всё равно разденется, и она должна об этом знать.

Когда Анна решает не просить о приватности, она стискивает зубы, что удивляет меня. Мне нравятся смелые и решительные женщины. Хотя она хрупкая на вид, её характер совсем не робкий.

Прежде чем я успеваю среагировать, она надевает платье на плечи и стягивает его, оставляя на полу у своих ног. На ней нет бюстгалтера, и при виде её гладкой кожи, изящных форм и тонкой талии у меня замирает дыхание. Чёрное кружевное бельё, скрывающее её фигуру, выглядит достаточно соблазнительно, чтобы мои руки задрожали. Я мог бы разорвать его одним движением пальцев. Она приподнимает рубашку, прижимает её к груди, а затем снова опускает.

Ее темные глаза приковывают меня. Она выпрямляется и тихо говорит:

— Я знаю, зачем я здесь. Раньше я никогда так не делала,

и мне страшно. Но если ты хочешь того, что тебе обещали, забирай это. Не будем тянуть.

Я глубоко и шумно вдыхаю, раздувая ноздри, как разъяренный бык. Все мое тело дрожит от нетерпения.

О да я хочу!

Я так сильно хочу её, что у меня болит член. Он скоро лопнет от прилива крови. Чёрт, мне повезёт, если я продержусь хотя бы минуту.

Я делаю два шага и останавливаюсь прямо перед ней. Она расправляет плечи и поднимает подбородок, чтобы наши глаза оказались на одном уровне, несмотря на разницу в росте почти в пол мерта. От прохладного воздуха её соски напрягаются, и она сдвигается, прижимая бёдра ближе. Её серебристые каблуки стучат по линолеуму, и я облизываю зубы, склонив голову набок.

Я поднимаю правую руку и подношу её к её щеке. Её кожа мягкая и немного холодная из-за воды в ванной. Когда мои грубые пальцы касаются её, её веки опускаются. Она отзывчива. Проводя рукой по её шее сзади, я наслаждаюсь тяжестью и шелковистостью её длинных волос, которые ниспадают на спину. Мне очень хочется прикоснуться к ней везде, но я сдерживаю своё желание, давая ей время привыкнуть к моему присутствию.

“Могу я поцеловать тебя?” спрашиваю ее.

Легкий кивок дает мне разрешение, которого я так добиваюсь.

Сжав её лицо в ладонях, я приподнимаю его и прижимаюсь губами к её губам. Я мог бы заявить на неё права, глубоко проникнуть языком в её рот и трахнуть её языком, чтобы завладеть ею, но я этого не делаю. От простого прикосновения моих губ к её губам она наклоняется, чтобы получить больше, а я сдерживаюсь, наблюдая, как она вздыхает. Я снова ласкаю её губы, на этот раз беру её нижнюю губу в рот и слегка прикусываю. Она тянется к моей руке, хватаясь за бицепс для устойчивости, и прикосновение её маленькой прохладной ладони к моей коже переключает мои мысли.

Маленькие, мягкие руки. Это ведь была фантазия Виктора.

Я хочу, чтобы эта рука обхватила мой член сильнее, чем я хочу сейчас быть свободным. Я притягиваю её ближе, и в следующем поцелуе её губы приоткрываются, и я провожу языком по её верхней губе, как сделал бы между её ног, если бы она позволила.

Только когда она мне позволит.

Лёгкий стон вырывается с её дыханием, и все мои сомнения по поводу того, что мы делаем, улетучиваются. Ей это нравится! Она этого хочет! Я чувствую это каждой клеточкой своего тела. Ай да пай-девочка!

Мне всю жизнь говорили, что я красивый мужчина. Когда я был свободен, женщины легко давались мне. Я привык считать само собой разумеющимся, что простая улыбка приведёт меня туда, куда я хочу.

Теперь я просто благодарен за то, что она нашла во мне что-то, что позволяет ей расслабиться и сдаться.

Я провожу пальцами по её шее, пока облизываю её губы, слегка надавливая, затем спускаюсь ниже, к ключицам, и веду вниз по руке. Когда мои пальцы встречаются с её, я беру её руку в свою, слегка сжимаю и возвращаюсь на прежний путь. Я открываю глаза, чтобы посмотреть, как она принимает мой язык, крепко зажмурив веки. Когда я провожу раскрытой ладонью по её милому розовому сосочку, она распаивает глаза и встречается со мной взглядом.

Я отстраняюсь, не желая упустить ни секунды её реакции на мои прикосновения.

Она прикрывает грудь руками. — Они маленькие, — застенчиво говорит она.

— Они чертовски идеальны, — грубо говорю я ей. Неужели какой-то другой мужчина заставил её стесняться своего тела? Чёрт бы побрал этого чувака за то, что он не видит её совершенства. — Покажи мне.

Её зрачки расширяются, делая шоколадные глаза тёмными, как обсидиан, когда она опускает руки, снова обнажая грудь. Я беру её в ладони, нежно обхватывая мягкую, тёплую плоть, такую сладкую, что я почти чувствую её вкус на кончике языка.

— Ты даже не представляешь, как хорошо ты выглядишь, — бормочу я. — Как мило. После стольких лет, проведённых в этом месте...

“Ты скучал по прикосновениям к женщине?”

“Больше всего на свете”, - признаю я.

— Ты можешь прикоснуться ко мне, — говорит она, расправляя плечи.

Я снимаю ботинки и опускаюсь на кровать, прислонившись спиной к стене.

— Иди ко мне на колени.

Она забирается ко мне, пока её ноги не оказываются по обе стороны от моих бёдер, а её промежность не прижимается к моему возбуждению. Слегка удивлённо охнув, она сдвигается, и я чувствую, как мой член почти протыкает ткань штанов.

Я притягиваю её ближе, облизываю сосок, прежде чем сильно его пососать. Она выгибается, прижимаясь клитором к основанию моего члена, и кружево натягивается. Я вижу её скользкую розовую плоть.

Чёрт, я боялся, что мне придётся уговаривать её, чтобы она постепенно подпускала нас ближе. Но оказывается, она тоже этого жаждет.

Или она думает, что это то, что ей нужно сделать, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Моё сердце колотится в груди, как барабанная дробь, которую я не могу игнорировать. Я хочу двигаться быстрее, крепче сжимать её, толкаться вверх и брать эту женщину с таким неистовством, что она не сможет справиться.

— Чёрт, — бормочу я. — Анна, ты так хороша. Ты чер-

товски хороша.

Её руки гладят мои волосы, пальцы дразнят кожу головы, воспаляя все мои нервные окончания. В мгновение ока я переворачиваю её на спину. Её глаза остекленели, она дышит тяжело. Я прижимаю её запястья к матрасу. Он прогибается под нами. Я целую её между грудей, вдыхая её аромат — что-то цветочное и женственное, что сводит меня с ума.

— Анна, — шепчу я, касаясь губами её кожи. — Анна, Анна, Анна.

Опускаясь ниже, я облизываю её пупок, наслаждаясь тем, как она извивается.

— Могу я поцеловать тебя здесь?

Я провожу языком по краю её трусиков, и она снова извивается.

— Да.

— Да?

Поднимаю взгляд, чтобы оценить её реакцию. Её веки опущены, красивые тёмные глаза скрыты. Густые ресницы даже без макияжа. Губы приоткрыты, как будто она хочет что-то сказать. По её телу пробегают мурашки. Она явно возбуждена.

Я прижимаю ладони к её бёдрам и провожу языком по трусикам, ощущая их влажную ткань и сладкий привкус.

Боже, сколько времени прошло! Я едва понимаю, что с собой делать. Хочется наслаждаться моментом, но если я потеряю контроль, это будет слишком. Слишком для неё и слиш-

ком для меня. Я вспоминаю, каким был раньше, и это пугает.

— Я хочу снять их, — говорю я ей. Не задавая лишних вопросов, я стягиваю обувь с её ног. Она помогает мне, сдвигая колени, и я снова наслаждаюсь её красотой. На этот раз нет никакого дразнящего предвкушения, только совершенное раскрытие её нежной розовой киски.

У меня текут слюнки, обостряются все чувства. Она будет невероятно вкусной. Я знаю это. Её маленькие лепестки раскрылись, обнажая бугорок клитора и крошечную дырочку.

Мы собираемся использовать её как нам только захочется. Я уверен, что это произойдёт, и мне даже не стыдно. Её тело будет так тугим вокруг моего члена, таким скользким и приятным. Но сначала я должен её возбудить.

Не отрывая взгляда, я наклоняюсь, вдыхаю её аромат и облизываю клитор. Она вздрагивает от этого прикосновения, шире разводит ноги и тянется ко мне. Мне нравится её страстность, но я хочу, чтобы она знала: я контролирую ситуацию. Я сделаю с её телом всё, что захочу.

Её платье валяется на полу. Я беру её за запястья, и её тёмные глаза наполняются страхом. Я сворачиваю платье и привязываю её к спинке кровати. Её грудь приподнята, а на лице застыл испуг.

Может быть, ещё рано показывать, что мне нравится. Но теперь, когда она связана, результат будет более впечатляющим. Я докажу ей, что она должна отдать мне контроль над своим телом.

— Так-то лучше, — говорю я и забираюсь на неё. Она облизывает губы, и я улыбаюсь. — Теперь ты действительно моя.

Уважаемые читатели, не забывайте поощрять автора звездочкой и подпиской!

Глава 4

.— Так-то лучше. Я снова забираюсь на неё и улыбаюсь, когда она облизывает губы. — Теперь ты действительно моя.

Лёгкое прикосновение к её соску заставляет её выгнуть-ся, выкручивая своё тело. Тихий стон, который она издаёт, заставляет мои яйца напрячься и дарит мне ту холодную ясность, которую я люблю. Я снова прикасаюсь к ней, сильнее, и она ёрзает на моём бедре, прижимаясь обнажённой киской к грубой ткани моего комбинезона. Она голодна и жаждет секса.

Когда я снова раздвигаю ее бедра и опускаюсь ниже, от нее исходит аппетитный запах.

Проталкивая язык в её щель, я прижимаюсь к её отверстию, выгибаясь вверх. Её ноги смыкаются, бедра прижимаются к моим ушам, и я издаю долгий и глубокий стон. Чёрт. Это всё, чего я был лишён долгие годы. Всё, во что я не мог заставить себя поверить, что это когда-нибудь случится со мной снова.

У меня есть женщина, связанная и пленённая. Она принадлежит мне. Я могу её подчинять и делать с ней всё, что хочу. Я могу её погубить, если ей это понравится и она не сможет без этих игр спокойно жить дальше.

Я облизываю её киску и сосу ей клитор, глажу и дразню, наслаждаясь её тихим дыханием и скрипом кровати, когда

она дёргается в своих путах. Когда она вздрагивает и приподнимает бёдра, я продолжаю в том же ритме и ввожу в неё два пальца, сжимаясь и двигаясь вперёд-назад. Она так близко ко мне. Так близко. Свободной рукой я снова тянусь вверх, чтобы сжать её сосок, и она взрывается, как ракета, кончая между моих пальцев, ритмично сжимаясь в такт моим движениям.

Из моего члена между ног течёт предэякулят, яйца болят и напряжены, и я полностью сосредоточен на своём оргазме, но прежде чем я успеваю подумать о том, что делать дальше, сквозь шум телевизора и лихорадочное дыхание Анны я слышу, как кто-то набирает код на внешней двери.

Кто-то пришёл, и мне нужно знать, кто это.

АННА

Джеймс встает с кровати, когда я прихожу в себя после блаженства оргазма, который он вызвал во мне, как искусный фокусник. У меня все еще кружится голова, за закрытыми веками мелькают огни. Когда он вытаскивает пальцы из меня, я сворачиваюсь калачиком на боку, тяжело дыша, потя и пытаюсь восстановить дыхание.

Никто никогда раньше не заставлял меня так кончать.

Не с их языком. Не без того, чтобы знать меня хотя бы несколько недель, и не без моего твёрдого руководства и помощи моих собственных пальцев. Как будто он мог чувствовать, что постепенно возбуждает меня, катая снежный ком удовольствия, пока я не становилась всё больше и больше,

пока не скатывалась с холма и наконец не кончала.

Боже мой.

Он развязывает меня и выходит за дверь, решительно закрывая её, когда я открываю рот, чтобы спросить, что происходит. Я хватаю рубашку, которую он дал мне перед тем, как обрушить на меня солнце, луну и море блаженства, и натягиваю её через голову.

Рубашка мне велика, и доходит до середины бедра. Но не настолько велико, чтобы мне было удобно ходить без трусиков. Мои трусы сейчас лежат на полу скомканной кучкой, и я уже не в первый раз жалею, что не купила пару простых белых хлопковых трусиков, которые было бы практичнее стирать и носить в течение тридцати дней.

Мне вспоминаются слова надзирателя о том, что много одежды мне тут не понадобится. Если другие мужчины похожи на Джеймса, то он, скорее всего, прав.

Засунуть ноги в запутавшиеся стринги легче сказать, чем сделать, и мне стыдно из-за того, насколько они холодные и влажные на моей коже. Когда Джеймс прислонился к двери, наблюдая за мной своими прозрачно-голубыми глазами, моё тело напряглось по-новому. Я имею в виду, что мне всегда нравились мужчины с татуировками и грубыми манерами. Мне всегда нравились мужчины, от которых исходит какая-то опасность. Из-за моего ужасного выбора я оказалась в этой передрыге без нормального спутника жизни, который помог бы мне справиться с трудностями. Некоторые из моих

школьных подруг замужем за надёжными мужьями-рабочими, которые, скорее всего, приехали бы через пять штатов, чтобы забрать своих нуждающихся сестёр, но что делаю я? В итоге я лежу на спине на тюремной койке, и мужчина, который выглядит так, будто хочет сделать меня своим следующим ужином, делает мне самый великолепный кунилингус.

Джеймс выглядит как «морской котик» или морской пехотинец, а не как преступник, хотя то, что он только что сделал со мной, было похоже на какойто гипноз.

Он может быть убийцей, но я отгоняю эту мысль, боясь, что если буду заикливаться на том, что привело этих людей в тюрьму, то это парализует меня.

Наклонившись вперёд, я выглядываю из-за двери и вижу, как Джеймс тихо разговаривает с надзирателем Гарри. В руках у него что-то есть, и он передаёт это Гарри, а затем заходит в комнату, чтобы осмотреться.

— Она переодевается, — говорит Джеймс. Должно быть, Гарри зачем-то ищет меня.

Когда я вхожу в главную комнату, на меня сразу же устремляются четыре пары глаз. Виктор быстро моргает, облизывает губы и потирает татуировку, которая тянется вверх по его шее. Артур подается вперед, его взгляд опускается на мои голые ноги, все еще удлиненные моими нелепыми туфлями. Джеймс изучает меня, словно проверяя мое эмоциональное состояние. Кажется этот мужчина настолько напряжен, что вот-вот сорвется.

И надзиратель Гарри медленно кивает, как будто мой внешний вид убедил его в моей безопасности и подтвердил, что я выполняю свои обязательства.

—Вы принесли мой телефон?" — спрашиваю я у Гарри.

Он засовывает руку во внутренний карман пиджака и достаёт мой мобильник. Я включаю его, и моё сердце начинает биться быстрее, когда оно постепенно оживает. Вокруг меня четверо мужчин ждут, пока я просмотрю свои сообщения.

Есть одно от моей сестры Кристины. "Ты в порядке?" Несмотря на то, что она в тяжёлом положении, она всё равно беспокоится обо мне.

"Я в порядке", отвечаю я. "А ты?"

Я жду, надеясь получить подтверждение, что она прочитала моё сообщение, и ответ, который даст мне знать, что она держится.

Через тридцать секунд надзиратель откашливается, и я выключаю телефон, возвращая его.

— Я оставлю вас наедине, — он хлопает Джеймса по плечу, скорее как отец, успокаивающий сына, чем надзиратель, разговаривающий с заключённым. Что бы эти люди ни сделали для надзирателя, он источает благодарность.

Когда Гарри уходит и дверь с грохотом закрывается, Виктор вскакивает.

— Ты закончил? — спрашивает он Джеймса. — Она готова?

Его детская надежда так же нервирует, как и умиляет. Я

испытываю смешанное чувство: мне хочется и отойти, и обнять его одновременно. Что-то в нём напоминает мне моего друга детства Девона: может быть, его улыбка и неуёмная энергия.

— Нет, Виктор. Я ещё не закончил, а она не готова. — Джеймс ставит на стол подарки зрителя: настольные игры, сложенную одежду и несколько пакетиков чипсов и шоколадных батончиков. Он обращается с нами как с детьми на вечеринке в честь дня рождения.

Подняв взгляд, Джеймс смотрит мне в глаза, приближаясь ко мне весь горящий желанием, которое читается в его свирепом выражении лица. Когда он оказывается достаточно близко, чтобы коснуться меня, он обнимает меня за талию и наклоняется. — Ты готова ко второй части?

“Это зависит от того, что ты будешь делать!”

Кажется, ему понравился мой ответ, и он, усмехнувшись, уткнулся носом мне в ухо. — Мы можем вернуться и к первой части, если ты хочешь, чтобы я снова тебя лизнул.

М-м-м. Я сжимаю ноги, потому что эта мысль мне слишком нравится, и чувствую себя странно из-за этого. Этот мужчина — незнакомец. Незнакомец, который выглядит как двоюродный брат Чарли Ханнэма, такой же суровый, как байкеры «Сыны анархии». Незнакомец, который был более самоотверженным и щедрым, когда дело касалось удовольствия, чем любой из предыдущих мужчин, которые видели меня обнажённой. — Ты бы сделала это, если бы я ничего

для тебя не сделал?

— О, детка, — шепчет он. — Ты моя девочка! Я готов на все для тебя!

Я вся вспыхиваю от хрипотцы в его голосе. — Я имею в виду что-нибудь, что поможет тебе кончить!

Он перестаёт покрывать мою щеку горячими поцелуями и смотрит мне прямо в глаза со всей свирепостью голодного хищника. Опасаясь, что сказала что-то не то, я отшатываюсь, но он удерживает меня. — Если бы зритель не вмешался, я бы кончил, просто лаская тебя языком в твоей сладкой маленькой дырочке.

Когда я вздрагиваю, он ухмыляется. «О, тебе это нравится. Грязные разговоры щекожут твоё маленькое ушко, и раздражают твою чувствительность».

Я мазохистка. Больше, чем я предполагала.

— Что бы ты сделала, чтобы доставить мне удовольствие, детка?”

— Всё, что ты захочешь! — Как только эти слова слетают с моих губ, я понимаю, насколько они опасны. Он может сделать со мной всё, что угодно, так что моё согласие не имеет значения, но если я позволю ему делать всё, что он захочет, это может подтолкнуть его к более глубоким и тёмным мыслям, чем те, в которых я хочу оказаться.

Я понимаю, что он уже мог бы давно сделать со мной всё что угодно. Ничто не мешает ему толкнуть меня на спину, задрать ноги и жестоко трахнуть. Он мог бы делать то, что

мой бывший заставлял меня смотреть на видео в интернете, например, проникать в мою задницу без смазки или засунуть в меня весь кулак. Мужчины могут делать с женщинами ужасные вещи, причиняющие боль, а не удовольствие, без их согласия и наслаждаться этим. Джеймс не делал ничего подобного. Он позаботился о том, чтобы я сначала испытала удовольствие. Он был со мной так осторожен, как я только могла себе представить в сложившихся обстоятельствах. Он не торопился, и это мне в нём нравится. Это заставляет меня доверять ему, чего он, вероятно, и добивается.

— Твои ручки, — говорит он, — начнем с этого!.

Его брюки свободно сидят на бёдрах, но он всё равно растёгивает пуговицы. Под ними он в чёрных боксёрах, которые плотно облегают его фигуру. Я мельком вижу рельефный пресс и V-образную мышцу, ведущую к его члену, и не могу отвести взгляд, когда он крепко сжимает мою руку вокруг своего члена. Он был твёрдым даже через ткань одежды, но кожа к коже — это совсем другое. Он твёрдый и такой горячий, что практически обжигает мою прохладную кожу. Кончик становится влажным под моим большим пальцем и пульсирует, когда я провожу по нежной головке.

— О, чёрт, Анна. От хрипотцы в его голосе меня бросает в жар, и он наклоняется вперёд, словно я высасываю из него силы. Наблюдение за тем, как такой большой, сильный, сдержанный мужчина теряет контроль, это просто сводит меня с ума.

— Тебе хорошо? — тихо спрашиваю я, чувствуя, как кружится моя голова от прилива крови. Каково это — наконец-то почувствовать прикосновение женщины после стольких лет? Осознание того, как сильно он, должно быть, думал об этом моменте и жаждал его, побуждает меня сделать для него всё, что в моих силах.

Я прекрасно понимаю, что пройдут дни, недели, месяцы или годы, и это воспоминание будет жить в его сознании, и я хочу, чтобы оно было наполнено самыми лучшими чувствами.

— Как мне хорошо! — Он стонет, в его голосе слышится крайняя степень наслаждения.

Я прошу его сесть на край кровати, а затем беру подушку и кладу её на холодный пол. Когда я смотрю на Джеймса, то вижу, что его глаза горят ярко-голубым пламенем, а губы приоткрываются при виде меня на коленях. Я кладу руки ему на бёдра, и его мышцы напрягаются. Его руки сжимают край кровати, сминая покрывало пальцами, которые уже были внутри меня. Он сильный и чувствует, что он готов к чему-то, чему он не решается поддаться. Его член гордо вышашается, он больше, чем любой член, который я когда-либо держала в руках. Я сглатываю, чувства бурлят во мне, как весенний ручей.

Я знаю, как сосать только в теории, мои бывшие бойфренды были недостойны этого. Головка его члена широкая и выпуклая, а ствол толще, чем моя рука. Я никак не смогу взять

его весь в рот, но я сделаю всё, что в моих силах. Теперь я стою на коленях, а он смотрит на меня с мрачным выражением лица, и пути назад у меня уже нет.

Когда я приближаюсь к нему, то чувствую его запах. Он пахнет свежестью и мылом, как будто он специально помылся перед тем, как прийти ко мне. Я осторожно обхватываю его член рукой и улыбаюсь, когда он упирается мне в ладонь.

— Спокойно, — шепчу я, словно успокаивая пугливую лошадь. Он фыркает, но фыркание превращается в шипение, когда я дразняще и легко облизываю головку его члена.

— Вот так, красавица. Соси мой член. — Он направляет мне волосы за ухо, и между моих ног разливается жар, когда я ёрзаю, сопротивляясь желанию, чтобы он поднял меня с колен и вошёл в меня.

Я всегда считала себя сексуальной. Когда я дома, я удовлетворяю себя хотя бы раз в день. По закону подлости, мне всегда попадались парни, которые много рассказывают, как они хороши в постели, но при этом потом они оказываются просто эгоистичными уродами. По крайней мере, мой палец знает, как заставить меня дрожать и стонать, а они даже и не пытаются разобраться с тем, что доставляет мне удовольствие.

А вот Джеймс не эгоист. Когда дело касается еды и секса, он в первую очередь думает о женщинах. Он джентльмен, если это вообще применимо к заключённым.

Я решаю действовать не спеша, обхватываю его пальцами

и облизываю прямо под головкой, где он особенно чувствителен. Он снова стонет, отпускает одеяло и тяжело опускает руку мне на затылок. Он собирается взять всё в свои руки и засунуть свой член мне в горло? Эта перспектива одновременно возбуждает и пугает. Он делает глубокий вдох, пока я обвожу его языком и изучаю руками. Ему нравится, когда я сжимаю его крепко и сильно, а ещё больше — когда я нежно провожу костяшками пальцев по его яйцам.

Его бёдра напрягаются, когда он выдыхает сквозь плотно сжатые губы. Пальцы на моей шее сжимаются, впиваясь в кожу, пока он пытается сдержаться. Я двигаюсь, и он стонет, запорокидывая голову и закрывая глаза.

Когда я обхватываю губами головку его члена и нежно сосу, мой язык покрывается солоновато-сладким возбуждением, которое я глотаю, пока он дрожит.

— Руки за спину, — рычит он, заставляя меня подпрыгнуть. Я подчиняюсь, обхватывая левой рукой запястье правой и стараясь сохранять равновесие. Это трудно, и в итоге я беру его глубже в горло, чего он, вероятно, и добивался. Его пальцы сжимают мои волосы, толкая меня сильнее, пока я не начинаю давиться.

— Ты хорошая девочка. Сделай это до конца!.

Как будто моё тело сковано его требованиями, мой рот наполняется слюной. Мне трудно держать челюсть так широко раскрытой. Мои губы напряжены, как, я представляю, будут напряжены мои половые губы, когда он меня трахнет.

Я чувствую пустоту между ног, и мои фантазии заполняют мой разум, когда я представляю, как другой мужчина стоит позади меня, прикасается ко мне, дразнит меня, наполняет меня, пока я беру член Джеймса глубоко в горло. Эта фантазия доставляет мне наибольшее удовольствие. Фантазия, которой я никогда не предавалась в реальной жизни.

Я провожу рукой между ног, дразня свой набухший клитор.

Его бедра поднимаются, дёргаясь так сильно, что у меня перехватывает дыхание, а слёзы текут по нижним векам и заливают щёки.

— Осторожно, — говорит он, проводя мозолистым пальцем по щеке. — Я хочу, чтобы ты плакала только от удовольствия.

Но я не останавливаюсь, втягиваю щеки и шумно сосу его. Возможно, он просто говорит мне то, что я хочу услышать, как и большинство мужчин, с которыми я встречалась, но мне сейчас приятно это слышать.

Интересно, думают ли Артур и Виктор о том, что мы здесь делаем. Представляют ли они, как я тоже преклоняю перед ними колени?

Виктор меня пугает. Он такой нервный. А Артур такой большой, что мне кажется может раздавить мой череп, как грецкий орех, если этого захочет. Джеймс суровый, но сдержанный, а остальные более дикие и менее известные.

Странно, что я чувствую это по прошествии такого корот-

кого промежутка времени, которое провела с ними.

Я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на том, чтобы открыть горло и позволить ему управлять моими движениями. Он стонет и вздрагивает, пока я двигаю головой, ощущая его нарастающее удовольствие и чувствуя, как его член все больше набухает у меня во рту.

Его пальцы сжимаются на моей голове, и я смотрю на него, прямо в его глаза, которые потемнели, как океан в полночь. Я продолжаю сосать, наблюдая, как дёргается его челюсть, когда он стискивает зубы, готовясь к разрядке. Я отдаю ему всего себя, пподолжая интенсивно сосать, лаская свой клитор. — Не останавливайся, — рычит он, так сильно натягивая меня на свой член, что мой нос касается его пресса.

Мой клитор пульсирует в такт моему сердцебиению, пока я дразню себя, проводя пальцами по половым губам и вокруг пучка нервов, которые требуют стимуляции.

— Вот так, — почти рычит он. — Приласкай себя, пока сосешь мой большой член.

Я ласкаю свой клитор, так интенсивно, что балансирую на грани боли и удовольствия, чувствуя, как в моем животе разливается тепло, и позволяя своему телу петь от удовольствия, пока он использует меня.

— Вот так, — повторяет он. — Вот так. Кончи ещё раз, принцесса. Кончи, пока сосешь мой член. — Дрожь в его голосе говорит мне, что он близок к потере контроля. — Возьми этот большой член целиком... да...

Последнее слово вырывается у него на выдохе, когда его член дёргается, и горячая сперма струёй попадает мне в рот. Я рефлексивно сглатываю, и он стонет, как будто я прижала к его коже раскалённый прут. Если его друзья не слышали нас раньше, то уж это они точно не пропустили.

Он отрывает моё лицо от своих коленей и отпускает меня, глядя на меня с таким благоговением, словно я только что открыла двери и показала ему путь в рай. Он обхватывает свой член и вздрагивает, облизывая сухие губы.

— Детка, у тебя хорошо получается, — он слегка смеётся, и я улыбаюсь, довольная, дрожащая и испытывающая благоговейный трепет. В обмен на свободу моей сестры я могу дать этому мужчине то, что ему нужно. Всю свою жизнь я преодолевала трудности, чтобы добраться до своей цели. И это не похоже на трудности, когда к ним прилагается раскалённое добела удовольствие. Не похоже, когда я получаю такое удовольствие, наблюдая за тем, как он теряет над собой контроль.

Джеймс, красивый, уравновешенный, щедрый и сдержанный, — самый простой из этой троицы.

Но я не могу вечно прятаться с ним в этой комнате.

В какой-то момент мне придётся столкнуться с двумя мужчинами, которые могут быть не так осторожны со мной.

ВИКТОР

Моя правая нога немного трясётся, но в этом нет ничего необычного. Когда я сижу и отдыхаю, хотя бы одна часть мо-

его тела всегда находится в движении. Если это не колено, то, возможно, рука или пальцы постукивают по столу. Иногда я щёлкаю языком по нёбу. Джеймс больше всего это не любит. Наверное, это раздражает, когда кто-то другой делает то же самое что и ты.

По телевизору идёт передача, и я смотрю на экран, но не могу сконцентрироваться на сюжете. Мне неинтересно это шоу. Кому захочется смотреть, как люди продают своё старое, но ценное имущество заносчивым парням из ломбарда? Это лишь заставляет меня думать о том, как тяжело быть бедным и никогда не иметь достаточно, постоянно торговать и меняться, брать и грабить.

Я ненавижу эту чёртову тюрьму, но, по крайней мере, мне не нужно беспокоиться о том, где я буду есть в следующий раз или кто захочет меня убить, потому что я пытаюсь заработать себе на жизнь.

Артур смотрит по телевизору какую-то девицу с фальшивым кольцом на пальце, его крупное тело втиснуто в слишком маленькое кресло, плечи свисают со спинки. Не знаю, смотрит ли он шоу или мечтает оказаться в той комнате с той симпатичной девушкой, чтобы всё напряжение его тела выплеснулось между её кремово-белыми бёдрами.

Стоны Джеймса разрывают мою выдержку. Они хотят, чтобы я был терпелив, но они знают, что у меня не получается. Не получается по-настоящему быть терпеливым. Я стараюсь, притворяюсь, но внутри меня то, чего я сейчас хочу,

рвётся наружу, пытаюсь протиснуться сквозь щели.

Прошло пять лет, три месяца, две недели и четыре дня с тех пор, как я погрузил свой член в приятную влажную вагину. Пять лет моей никчёмной жизни. И теперь голая девушка меньше чем в пяти метрах от меня, но я не могу войти, потому что мой приятель добрался до неё первым.

Если бы это был кто-то другой, у меня бы уже были кровавые мозоли на кулаках.

Но Джеймс мне как старший брат. Он всегда присматривает за мной, даже когда я совсем на мели. Даже особенно когда я совсем на мели. Он не пытается быть грубым. Он делает это, потому что знает, что из-за моего нетерпения и непредсказуемости всё может пойти наперекосяк. Я ни на что не годен, кроме хорошей драки.

Мои нервы всё больше на пределе.

Я резко встаю, когда снова раздаётся низкий стон Джеймса, делаю два шага вперёд, затем разворачиваюсь и иду обратно, плюхаясь в кресло. Мой член толстый и твёрдый, яйца напряжены и болят. Я мог бы кончить в два счёта, просто думая о том, что происходит в той комнате.

Может быть, он укладывает её на спину, закидывает ноги ей на плечи, выгибает, как крендель, и врывается в её киску. Может быть, он укладывает её на пол, ставит на колени между своих ног и заставляет глубоко заглатывать его член. Может быть, он вылизывает её сладкую маленькую киску, как

котёнок миску с молоком, пробуя на вкус все её соки. Я хочу всего этого и даже больше. Но больше всего я хочу просто лежать на боку, прижавшись лицом к её мягкому женственному телу, и слушать, как она дышит. Два обнажённых человека, на время забывших о мире, растворяющихся друг в друге. Если бы она провела ногтями по моей голове или поцеловала меня в лоб, я бы не возражал. Может быть, она позволила бы мне заснуть с её соском во рту. Это было бы наверное лучше всего.

Мои друзья беспокоятся, что я потеряю контроль. Моё настроение медленно сползает в мрачное, напряжённое состояние, которое ощущается как ад. Всё это напряжение тянет меня вниз, но, может быть, Анна сможет вернуть меня к жизни. Я думаю, что она могла бы, с этими кофейными глазами и длинными ресницами, с её маленькими сиськами и большой задницей, о которой я давно мечтал. Может быть, она сможет вернуть меня, прежде чем я сорвусь. Я должен сказать Джеймсу. Это был бы один из способов заставить его ускорить этот процесс.

Ох её Волшебная киска.

Хорошая киска может решить практически любую проблему мужчины или, по крайней мере, заставить его забыть о том, что его тяготит.

“Остынь, чувак”, - говорит Артур.

— Ты это слышал? — я указываю на комнату, затем наклоняюсь вперёд в своём кресле, отбивая ритм песни, кото-

рая весь день звучит у меня в голове.

— Ну, конечно, слышал!.

— Удачливый ублюдок!

*Уважаемые читатели, не забывайте поощрять автора
звездочкой и подпиской!*

Глава 5

«Он это заслужил».

Поверь, Артур, ему приходится быть сильным, когда его член, должно быть, так же близок к извержению, как и мой.

В тот момент, когда я собираюсь встать со стула, ручка начинает скрипеть, и в дверях появляется Джеймс. Он оглядывается в поисках меня и Артура, а затем кивает.

— Я принёс Анне воды.

Когда он оказывается на кухне, я хлопаю Артура по плечу.

— Думаешь, она ему отсосала? Поэтому ей нужно выпить? Чтобы запить его семя?

— Возможно.

— Как тебе кажется, скучно сейчас? — Я зеваю.

— Сделай вдох, дружище.

Прежде чем Джеймс возвращается в комнату, он садится рядом со мной на стул, сжимая в руках пластиковый стаканчик, из которого капает жидкость.

— Что? — спрашивает он, оглядывая меня оценивающим взглядом.

Я чувствую, как моя нога дёргается, и начинаю тереть лицо, словно хочу избежать удара.

— Она хорошая девочка, — мягко говорит Джеймс. — Она отдаёт нам себя, это мило. Думаешь, ты справишься с этим?

— Да, я справлюсь, братан, — отвечаю я. — Я справлюсь хорошо.

— Сегодня никакого секса, — говорит он. — Только прикосновения... оральный секс. Давай подготовим её к этому.

— Чёрт, — бормочу я, и мой член дёргается. Я резко встаю, и Артур с Джеймсом смотрят, как я кружусь на месте, сжимая кулаки. Я могу справиться с этим, но не хочу. Я имею в виду, что не уверен, с каким Виктором она встретится и что этот Виктор может сделать. У меня так много триггеров. Так много переключателей, которые нужно активировать.

Джеймс встаёт, возвышаясь надо мной на десять сантиметров. Он двигается медленно и плавно, словно продирается сквозь джунгли. Он касается моей руки свободной рукой.

— Хочешь, чтобы Артур пошёл первым? Дать тебе немного времени?

— Я не знаю, — отвечаю я, закрывая глаза и погружаясь в темноту. В темноте я чувствую себя в безопасности. В безопасности от своей грёбаной мании. Когда я был ребёнком, я закрывал глаза, чтобы не видеть всего того дерьма, которое они со мной творили, и хотел, чтобы меня поглотила темнота. Я бы отправился куда угодно во вселенной, лишь бы сбежать от своих страхов.

Джеймс вздыхает. Из всех мужчин, которых я встречала в своей жизни, он единственный, в ком я видела отца. Он ненамного старше меня, но в нём есть зрелость, которой, как мне кажется, я никогда не достигну.

— Пусть перед сексом Артур пойдёт к ней первым. Он поговорит с ней. Объяснит ей, что у тебя могут быть проблемы в общении с женщинами. Мы останемся с тобой в первый раз, если ты, конечно, этого хочешь.

Я открываю глаза и смотрю на него, чувствуя, как бешено колотится сердце.

— Чтобы удержать меня если что то пойдет не так?

— Если это то, что тебе нужно?

Это было бы безопаснее всего, я знаю, но мысль о том, что она прикасается ко мне, когда я не могу прикасаться к ней, когда я не могу это остановить, вызывает у меня в животе тугой серый комок. Я хочу разрядки, но не хочу вспоминать то, что она вызовет.

— Я не знаю, — признаюсь я.

— Я отнесу это ей, а потом вернусь. Я посижу с тобой, и мы всё уладим, — говорит Джеймс, переключая внимание на телевизор. — Как насчёт того, чтобы посмотреть какой-нибудь спортивный канал? Или фильм?

— Да, хорошо, — отвечаю я, снова садясь на стул.

Я испытываю облегчение, но всё равно хватаюсь за край стула, позволяя острому краю впиваться в кожу. Артур и Джеймс помогут мне. Они вытащат меня. Они всегда так делают.

Артур

Я не ожидал, что буду следующим. Виктор рядом со мной

нервничал, и я был уверен, что он потребует, чтобы его выпустили вторым, но Джеймс умеет заставить Виктора задуматься, даже когда тот уже почти все решил.. Этому человеку не нужно много говорить — он просто бросает на Виктора один из своих взглядов, и безумие уходит из его глаз, как у собаки, которая идёт за хозяином.

Итак, следующий — я.

Я делаю глубокий вдох и медленно поднимаюсь со стула. Он скрипит под моим весом, когда я встаю, и на секунду я замираю, чтобы перевести дыхание. Это неприятная ситуация. Я никогда раньше не платил за женщину и никогда не был с той, которая не хотела бы меня настолько сильно, чтобы пойти со мной домой. Я даже никогда не был с пьяной женщиной, потому что всегда хотел убедиться, что она в здравом уме и согласна. Я ни за что не стал бы рисковать и ввязываться в подобное. Ирония моего нынешнего положения не ускользнула от меня.

Я киваю Джеймсу, проходя мимо. Он даёт Анне воды, чтобы у неё было всё необходимое. Первое, что я замечаю, проходя мимо двери, — это Анна, сидящая на краю маленькой кровати. На её лице появляется осторожная улыбка, и я отвечаю ей медленным кивком. Я не из тех, кто улыбается. Обычно мне нечему радоваться, кроме этого момента.

Взгляд Виктора прожигает мне спину, а Джеймс молча наблюдает из угла комнаты. Но сейчас всё это не имеет значения. Только она и я. Я хочу не торопиться, ради неё и ради

себя.

— Привет, — говорю я низким и рокочущим, как далёкий гром, голосом. Я не могу придумать, что ещё сказать.

— Привет, — мягко отвечает она, её голос звучит уверенно, а подбородок слегка приподнят, словно в лёгком вызове. Несмотря на то, что я большой и незнакомый, она не собирается отступать. Мне нравится эта твёрдость в её голосе. Она маленькая и хрупкая, но на ней нет ярлыка «нежная и хрупкая», она сильная девушка.

Я закрываю за собой дверь, и в комнате становится ещё более напряжённо. Я оглядываю помещение с облупившейся краской и узкое окно, через которое проникает лишь свет, но не вид.

— С тобой всё в порядке? — спрашиваю я. — Джеймс хорошо с тобой обращался?

— Да, — отвечает она. — Он милый.

— Он хороший человек. Лучший из нас.

Она, вероятно, думает, что я лгу. Как хороший человек может оказаться в тюрьме? Если вы сами не были там или не отправляли туда кого-то из близких, вы не понимаете, сколько невинных людей там находится. Вы не можете представить, насколько несправедливой может быть жизнь, как она может давить на людей, толкать их так сильно, что они срысываются и делают то, чего никогда не представляли и не планировали. Это не оправдание, но может быть объяснением.

Я сажусь на край кровати рядом с Анна, стараясь не зани-

мать слишком много места. Это сложно, когда ты сложен так, как я, — всё кажется слишком маленьким, слишком хрупким, как будто одно неверное движение — и я раздавлю всё, что окажется у меня на пути. Анна отодвигается, прислоняясь спиной к стене, и я чувствую, как она смотрит на меня, оценивая. Я задавался вопросом, что у неё на уме.

— Итак... я следующий, — говорю я, стараясь говорить непринуждённо, но мой голос звучит грубо, как гравий.

Она не вздрагивает, когда я подхожу ближе, не отстраняется. Может быть, она просто хорошо это скрывает. Она кивает, сжав губы, и ждёт. Её руки лежат на коленях, но я замечаю лёгкое подрагивание пальцев, как будто она нервничает и пытается это скрыть.

Может быть, она так же не уверена в этом, как и я. — Я не хочу тебя пугать.

— Ты меня совсем не пугаешь.

Её слова пронзили меня, словно удар в грудь. В её голосе не было ни тени сомнения или страха.

Я выдохнул, и напряжение начало покидать мои плечи. Странно, но её простые слова оказали на меня успокаивающее действие. Либо она говорит правду, либо умеет приукрасить реальность. В любом случае, мне стало легче.

— Что ж, ладно, — сказал я, криво усмехнувшись и опустив голову. Мои щёки покраснели. Кто я такой, чтобы смущаться перед женщиной? Вот что делает с человеком шесть лет заключения.

— Расскажи мне немного о себе, — мягко попросила Анна. — Чтобы мы лучше узнали друг друга.

— Что ты хочешь узнать? — спросил я.

Она пожала плечами и посмотрела в потолок, размышляя.

— Наверное, о твоей семье. Или о твоих увлечениях. О любимом телешоу. О том, что ты любишь есть больше всего.

Я с облегчением положил руки на бёдра.

— Мои сёстры служат за границей. Моя мама умерла в прошлом году. — Я не стал говорить о судьбе отца. Узнав, что он умер в тюрьме, я бы расстроился. — Мне нравится музыка, автомобили, и я любил мамину еду. Она готовила лучшие рёбрышки барбекю, картофельное пюре и кукурузу в сливках, которые я когда-либо пробовал.

У неё была возможность готовить так, только когда папа был в тюрьме. Воспоминания о её еде вызывали у меня чувство горечи и вины. Я не был рядом с ней, когда она нуждалась во мне, и я причинил ей столько стресса, что чувствовал себя виноватым. Я сглотнул и сменил тему.

— Мне не очень нравится смотреть телевизор. Если бы я был на свободе, я бы не тратил ни секунды на то, чтобы смотреть на других людей. Я бы жил своей жизнью.

— А ты когда-нибудь читал? — спросила она.

— Иногда. Здесь есть библиотека, но книги там не очень. Время от времени я беру какой-нибудь триллер. Чтобы отвлечься от своего заточения.

— Книги — это как путешествие в другой мир, — ска-

зала Анна, теребя большим пальцем край указательного. — У меня была учительница, которая каждую неделю помогала мне выбирать книги в школе. Думаю, она понимала, что у меня не самая счастливая семейная жизнь. Она говорила мне, что, когда мы открываем страницы книги, это способ сбежать. Это осталось со мной на всю жизнь.

Она обхватила себя руками за ноги, словно уменьшаясь в размерах. В рубашке Джеймса она выглядела как ребёнок, который надел одежду своего отца.

— Мудрая женщина, — говорю я. — А от чего же ты бежишь?

— Проблемы в семье, — отвечает она. — Не у меня. Мне просто нужно помочь своей сестре.

— Значит, ты делаешь это ради кого-то другого? — у меня внутри всё сжимается.

— Я делаю это для себя, чтобы иметь возможность помогать так, как я хочу».

— Ты когда-нибудь делала это раньше?»

— Ты про секс?

Мои щёки краснеют, а член твердеет от её прямоты.

— Секс с кем-то, кого ты не знаешь, или за деньги? Я имею в виду, для меня это не имеет значения, но...

— Тебе любопытно?»

— Да».

— Нет, у меня не было раньше такого.

— А что ты сейчас чувствуешь...?

— Ты имеешь ввиду плохо ли мне из-за этого? — она склоняет голову набок, изучая меня, пока я кручу свои толстые пальцы на коленях. — Думаю, мне было бы неприятно, если бы ты был страшным или отвратительным.

— Значит ты не считаешь нас страшными или отвратительными?

Она качает головой. «Я знаю, что ты сделал что-то хорошее для начальника тюрьмы. Я знаю, что он уважает тебя больше, чем тюремщик должен уважать своих заключённых».

Я облизываю губы, вспоминая лицо Гарри, когда он узнал, что мы сделали. Он был благодарен, это точно. Вобщето он бесчувственный человек, но тогда в его глазах блестели непролитые слёзы.

— Не кажется ли тебе несправедливым, что ты отработываешь его долг? — бормочу я.

Она зачёсывает волосы за ухо, и я наблюдаю за этим жестом, мечтая, чтобы это мои пальцы касались шелковистых прядей. — Если ты сделаешь это хорошо, это не будет похоже на работу.

В её тоне слышится нотка насмешки, которая заставляет меня улыбнуться. Малышка Анна стала очень дерзкой!

— О, ты уже хочешь, чтобы я сам "поработал"?

Она кивает. «Тебя это устраивает?»

— Меня это всегда устраивало!, — говорю я ей. Это правда. Я никогда не оставлял женщину неудовлетворённой. Я

всегда кладу руку на её сердце, чтобы проверить, настоящий ли у неё оргазм. Этот бешеный ритм заводит меня, чёрт возьми.

— Джеймс сказал, что секса не будет, — говорю я ей. — Но я хорошо умею дурачиться.

«Я уверена, что мне nebude скучно».

Я встаю, уже представляя, как всё будет. Возможно, мне придётся подождать, пока мой член окажется внутри неё, но это не значит, что мне придётся ждать, пока я почувствую её киску на себе. Эту часть я могу сделать без чувства вины. Обойдя кровать, я останавливаюсь рядом с ней. — Позволь мне сесть, а потом садись ко мне на колени.

Анна забирается на середину матраса, а я сажусь на кровать, прислонившись спиной к стене. Я расстегиваю штаны и немного приспускаю их, высвобождая член. Глаза Анны расширяются, и она облизывает губы.

— Чёрт, — говорит она. — Он у тебя такой большой.

— Меня не просто так иногда кличут Удавом. Не хочу показаться высокомерным, но, возможно, это и есть причина. Я мог бы трахнуть эту девушку, проникнуть в неё и взорваться внутри. Мой член — это оружие в моей руке, и он чертовски твёрд.

— Сядь ко мне на колени, малышка Анна.

Она движется вперёд, словно хочет обхватить меня ногами, но это не то, чего я хочу. Без усилий я поворачиваю её хрупкое тело так, что её мягкая попка прижимается к моему

прессу, а ноги оказываются между моими. Мой член напряжён и возбуждён, зажатый между её бёдрами. Она опускает голову и смотрит на меня с восхищением.

На ней трусики, но это ненадолго.

Анна вздыхает, когда я запускаю пальцы под её трусики и стягиваю их вниз.

— Сними их, — говорю я.

Она освобождается от кружевного белья, и жар и влага её киски согревают и увлажняют кожу моего пресса. Я обхватываю её за талию, запускаю руку под её футболку и дрожу от желания. О боже, её твёрдый сосок касается центра моей ладони, когда я сжимаю его. Её груди маленькие, но мягкие, как два райских холмика. Мой член пульсирует между нашими телами, когда она стонет.

«Артур», — срывается с её губ, когда я провожу пальцами по нежной коже на внутренней стороне её бедра.

Она вздрагивает от этого прикосновения, прижимаясь ко мне ягодицами. Мне нравится дразнить, но сегодня я слишком возбуждён и нетерпелив. Я просто хочу почувствовать всё, чего мне не хватало, и воскресить некоторые из тех воспоминаний о прошлом, которые со временем стёрлись.

Двумя пальцами я раскрываю её половые губы и проникаю внутрь, ощущая их скользкую и влажную поверхность. Это место между её ног такое нежное и скрытое, словно маленький тайный уголок. Мой палец словно инструмент в её тесном и упругом отверстии, и мышцы под моей кожей пуль-

сируют, когда её тело сопротивляется моему проникновению.

— Полегче, — говорю я ей, играя с её соском, всё больше его возбуждая.

— Артур, — снова шепчет она, когда я чуть-чуть вхожу в неё. Она такая маленькая, словно девственница, которая никогда не видела мужской член. Её маленький клитор пульсирует.

— Что Джеймс с тобой сделал?

— Он лизнул меня, — говорит она, извиваясь, когда я провожу пальцем по её бугорку.

— А ты что с ним сделала?

Она дрожит. — Я сделала ему минет.

Я касаюсь её клитора, и она задыхается. — Ты позволила ему кончить тебе в рот?

— Да, — признаётся она.

Её руки опускаются и нежно обхватывают мой член. Это прикосновение подобно электрическому разряду. Мои яички напрягаются, а член становится твёрдым, когда она медленно и легко сжимает его.

— Вот так, — шепчу я, покачиваясь в её объятиях. — Вот так, Анна. Покажи мне, как хорошо ты ласкаешь меня.

Её пальцы сжимаются, движения становятся быстрее, и я закрываю глаза, откидывая голову на прохладную стену. Я беру её сосок между указательным и большим пальцами и сжимаю его, пока она не выгибается от удовольствия.

Она такая отзывчивая, такая созданная для наслаждения и такая открытая для того, чтобы дарить его. Я подношу палец к её губам, чтобы попробовать её возбуждение, а затем смазываю слюной её клитор, нежно обводя его по кругу. Я на седьмом небе от её вкуса.

— Раздвинь ноги, — говорю я. — Вот так. Чуть шире. Раскройся для меня.

Она выполняет мою просьбу, широко разводя бёдра. Её лоно похоже на цветок, который я сжимаю в своих больших ладонях, ощущая нежные лепестки и мягкость. Я почти рад, что Джеймс ввёл это правило, потому что без него я бы вошёл в неё — я недостаточно силен, чтобы сопротивляться, — и всё было бы по-другому. Есть что-то в том, чтобы делать это медленно, постепенно наращивая темп.

— Раскрой ладонь, — приказываю я, затем беру свой член и провожу им по её складкам. — Скачи на нём вот так. Сделай его красивым и влажным.

Анна стонет, двигая бёдрами, чтобы скользить по моему пульсирующему члену, пока я ласкаю её клитор двумя пальцами. Она упирается пятками в кровать, и с каждым движением её лоно становится всё более влажным и горячим. Я прижимаюсь губами к её уху.

— Твоя киска такая приятная. Такая сладкая на моём большом члене.

Я неловко дернулся и сильно ободрал руку о чертов шуруп который торчал из стены.

— Твою мать! — выругался я глядя на небольшую струйку крови которая появилась на моей ладони — как не вовремя!

Она берёт мою руку и ведёт меня к кровати. — Давай сядем.

Я сажусь, и она берёт из ящика комода бинт и антисептик. — Вот, — говорит она, обрабатывая рану. — Будет немного щипать.

Я смотрю на неё, пока она работает, и чувствую, как моё сердце начинает биться быстрее. Она такая сильная, такая уверенная, такая красивая.

— Спасибо, — говорю я.

Она улыбается и смотрит мне в глаза. — Не за что, — отвечает она. — Это моя работа.

Я смотрю на неё, и в этот момент я понимаю, что она — это всё, что мне нужно. Она — мой ангел, моя муза, моя любовь. Я не знаю, что бы я делал без неё.

— Ты — всё, что мне нужно в этой жизни, — говорю я.

Она улыбается и прижимается ко мне. — Я тоже так думаю, — шепчет она.

Я не могу застегнуть штаны, но прячу член за боксеры, а Анна не утруждает себя нижним бельём. Если кто-то и нуждается в красивом нижнем белье чтобы быть более желанной, то Анне это совсем ненужно, она и так очень желанна для меня.. Я веду её в главную комнату и вижу, как Джеймс собирает свои рассыпанные черновики. Виктор стоит и наблю-

дает, сжимая кулаки по бокам. Что бы ни случилось, всё уладится. Оба мужчины наблюдают, как Анна идёт за мной, держа меня за руку, словно новорождённого.

— Что с тобой случилось? — спрашивает Джеймс.

— Не о чем беспокоиться, — говорю я, меньше беспокоясь о крови, чем о том, что Анна сейчас в таком состоянии.

Где-то наверху раздаются крики. Раздаётся сигнал тревоги, и начинается шум от ударов по решёткам. Вероятно, там происходит драка, и надзиратели закрывают двери. Вероятно, они ещё и газом травят. Это почти как отпуск вдали от всего этого, даже если мы всё ещё заперты в этой дыре.

— Там какие-то проблемы? — тихо спрашивает она, открывая кран и держа мою руку под струёй воды, наклоняясь ближе, чтобы осмотреть порез.

— Ничего особенного, — отвечаю я уверенно, но на самом деле не знаю. Там может начаться настоящий хаос, а мы ничего не узнаем, пока кто-нибудь не сообщит нам об этом.

— Больно? — спрашивает она, глядя на меня и обматывая бинтом мою ладонь.

Я качаю головой: «Нет, не очень».

Она с улыбкой фыркает: «Крутой парень, да?»

Я усмехаюсь и говорю ей: «Что-то вроде того».

Взяв салфетку, она вытирает мою руку вокруг раны, затем берёт ещё одну салфетку, чтобы промокнуть саму рану. Кровь пузырится, и она поворачивается, чтобы поискать аптечку на стене. Ничего не видно.

— Я посмотрю в шкафах, — говорит она.

— Вероятно, там ничего нет, — отвечаю я. — Этим местом не пользовались уже много лет.

— Но надзиратель наверняка что-нибудь оставил бы?

— Скоее всего, нет. Он молится, чтобы здесь никому не потребовалась медицинская помощь.

— Подождите, — она возвращается в спальню и приносит наволочку, которую протягивает Джеймсу. — Можете оторвать полоску?

— Конечно, — он разрывает ткань, как бумагу, на две тонкие полоски, которые Анна возвращает ему.

Её лицо сосредоточенно и решительно, как будто она делала это уже сотни раз. Я наблюдаю за её работой — за тем, как она хмурится от сосредоточенности, как бормочет что-то о беспорядке, который я устроил. Это почти... мило. Когда она заканчивает накладывать повязку и завязывает её аккуратным узлом, в моей груди разливается тепло, которое я не хочу признавать. Не только потому, что она позаботилась обо мне, но и потому, как она это сделала. Без колебаний, без страха перед кровью или размером моих рук. Она просто взяла всё в свои руки, как будто это было самым естественным делом на свете.

— Вот, — говорит она, любуясь своей работой. — Теперь ты как новенький. Постарайся не попадать в неприятности, а то у нас закончится постельное бельё.

Я тихо смеюсь, разминая пальцы: «Я уж постараюсь».

Она вытирает руки о рубашку, и я чувствую, как что-то незнакомое сжимается у меня в груди, когда я смотрю на неё. В моей жизни было много женщин, но ни одна из них, кроме моей мамы, не вызывала у меня таких чувств.

— Спасибо, — говорю я низким голосом. — За... ну, знаешь, за заботу обо мне.

Она пожимает плечами, но в её глазах появляется мягкость, которой раньше не было: «Это для меня не проблема».

Наступает момент тишины, и, подобно песчаной гряде, медленно формирующейся между островом и материком, появляется связь. Путь, по которому можно пройти.

Я старался не строить никаких ожиданий до прихода Анны, предполагая, что надзиратель может отказаться от своего обещания или что женщина, которую он приведёт для нас, мне не понравится. Но Анна — больше, чем просто девушка, которая может удовлетворить наши физические потребности.

И подобные мысли опасны.

Уважаемые читатели, не забывайте поощрять автора звездочкой и подпиской!

Глава 6

Дорогие читатели, благодарю вас за то, что приобрели мою книгу! Я обещаю, что она не оставит вас равнодушными!

АННА

Я словно во сне, перемещаюсь из комнаты в комнату с незнакомыми мужчинами, испытывая крайние степени удовольствия, прежде чем вернуться в состояние повышенного осознания своего положения. Пока они прикасаются ко мне, я забываю, где нахожусь.

А забывать в моем положении опасно.

Сразу после того, как я перевязываю руку Артура, он ведёт меня в душ и помогает включить тёплую воду. Он задерживается, пока я стягиваю с себя футболку Джеймса, и его карие глаза так жадно блуждают по моему телу, что я вздрагиваю. — Я принесу тебе полотенце, — гов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.